

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Механик
ШПИЛЬКА

Олег Механик

Шпилька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57260208

SelfPub; 2023

Аннотация

Работа у неё специфическая, да и сама она ещё та штучка. Её приглашают, когда между партнёрами нет доверия, когда нужно по-тихому угнать инсайдерскую информацию, а может, и целую фирму. Почему бы и нет? Этот случай сложный. Один из четырёх учредителей фирмы погиб, и сдаётся ей, что смерть эта не случайна. Наконец-то сбудется мечта её детства, и она сможет поучаствовать в настоящем детективе в качестве сыщика. Только вот, чтобы изобличить преступника, нужно нырнуть в прошлое, лет так на двадцать назад, в разгар 90-х. В прошлом четырёх бывших друзей точно есть ответы на некоторые вопросы, но чтобы ответить на все, нужно окунуться и в её ледяное прошлое. У Евы получится лучше, чем у её кумира миссис Марпл. Почему? Потому что она моложе и способы добычи информации у неё гораздо эффективнее. Да... ещё она не носит нижнего белья. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
1	8
2	25
3	43
4	49
5	52
6	65
7	94
8	105
9	117
10	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Олег Механик

Шпилька

*«Кто сражается с чудовищами,
тому следует остерегаться,
чтобы самому при этом не стать чудовищем.
И если ты долго смотришь в бездну,
то бездна тоже смотрит в тебя»*

Ф. Ницше

ПРОЛОГ

Сколько всего лишнего!

Эта мысль в последнее время не даёт мне покоя.

Сколько лишних движений , сколько суеты, сколько ненужных вещей, знаний, болтовни, людей мы пропускаем через себя за жизнь. А она оказывается очень короткой. Ты учишься, чтобы казаться умнее, пытаешься зарабатывать первые деньги, чтобы завоевать авторитет, получив этот авторитет, начинаешь давить и унижать, чтобы его не потерять. Наконец ты получаешь власть, для того чтобы чувствовать себя богом. Ты захватываешь территории и уничтожаешь врагов, ты копишь, копишь, копишь. Ты покупаешь вещи, машины, шмотки, чтобы выбросить их на помойку, ты прыгаешь по перилам моста, чтобы влюбить в себя девчонку, а потом её трахнуть. Ты копишь женщин, ты их коллекционируешь, ты пытаешься наверстать всё, что упустил в юности, отомстить им за то, что так долго тебя не замечали. Ты карабкаешься на Олимп, а забравшись на его вершину, пытаешься удержаться, сталкивая оттуда других богов. Но ты не знаешь одного. Жизнь это не восхождение на гору, а бег по замкнутому кругу, и однажды тебе придётся попасть в самое его начало.

И вот ты ещё вчера живой, сильный, успешный, богопо-

добный в один миг превращаешься в овощ. Как тот спелё-
нанный младенец с соской во рту, ты очарованно смотришь
на этот мир, но никак уже не можешь на него повлиять. Круг
замкнулся.

Так зачем было столько лишнего? Зачем было узнавать
устройство вселенной, если вся жизнь сводилась к захвату и
удержанию власти на территории в несколько десятков квад-
ратных метров. Зачем было знать географию, если ты всю
жизнь пользовался навигатором и услугами таксистов.

Тому, чтобы стать руководителем бизнеса не помогает
экономическая теория. Скорее этому способствуют презри-
тельные взгляды сверстников, когда ты ходишь в старом от-
цовском шмотье, или удар в нос от гопника, который хочет
отжать твою стипендию, или твой лучший друг, который, по-
ка ты пытаешься развить общее дело, трахает лучших дев-
чонок в институте.

Ни острый и быстрый ум, ни отменное здоровье, ни боль-
шой член, а скорее отсутствие всего этого, помогло мне за-
браться туда, куда я забрался. Всё у меня получалось не бла-
годаря, а вопреки. Но видимо я дошёл до предела, превысил
лимит, вследствие чего всё обнулилось. Теперь моя вселен-
ная сводится к четырём белоснежным стенам, пятнышку на
потолке и виду танцующего в окне тополя. Всё моё богатство
это подвешенный на стойке мешок с энтеральным питанием.

Оказывается, всю свою жизнь я боялся не тех вещей.
Больше всего я боялся стать нищим и беспомощным. Вуаля,

это произошло. Ну и что? Оказывается, что это совсем не страшно, даже наоборот. Находясь внутри ситуации, оцениваешь её совершенно иначе. И людей я опасался тоже не тех. Мне казалось, что разрушить всё, что я создал, могут агрессивные, завистливые, мстительные натуры. На самом деле, мне следовало бояться другого типа людей – тех, кто не вламывается в двери и не залазит через форточку. Такие люди проникают прямо в твою голову и остаются там навсегда.

Сейчас я похож на сломанный компьютер, у которого в живых остался один лишь процессор. Потухший дисплей не выдаёт никаких сигналов, клавиатура не подключена. Все исполнительные механизмы этого компьютера отсоединены, лишь только процессор греется и гудит. В нём выстраиваются бесполезные комбинации слов, цифр, фраз, понятий. Эта совершенно бесполезная вещь работает сама на себя. И всё же, в этом процессоре сформировался один чёткий алгоритм – идея фикс. Эта почти несбыточная мечта, но если у меня вдруг получится её осуществить... если мне удастся, я сделаю последний ход в этой игре.

И это будет мат!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

– ...Ванька был ещё тот жучара. Ты знаешь эту тему, про то, как мы ему «Мэрина» гнали?

Тимур не может просто так сидеть и ждать молча. Ему всегда нужно что-то рассказывать, и его мало волнует, интересны ли его бесконечные байки, или как он их называет «темы» собеседнику. В этот раз «тема» будет интересной, потому что касается Ваньки. По крайней мере, Глеб должен сделать вид, что ему это интересно. Он подпирает ладонью щёку и сквозь толстые линзы очков наблюдает за рассказчиком.

Как давно они не встречались, месяц, или два? Лицо Тимура приобрело форму сказочной репки, а некогда квадратный торс, трансформировался в прямоугольник. Ну, это если смотреть в плоскости, а так по большому счёту товарищ Глеба постепенно приобретает форму огромного шара. Вот и сейчас ему пришлось отодвинуть свой стул подальше, чтобы не упереться животом в стол. Безделье это страшное зло. Изучая заплывающего жиром товарища, Глеб приходит к утешительному для себя выводу: как хорошо, что он занят, хоть каким-то делом. Держать три шмоточных магазина, это конечно не управлять «Олимпом», но хоть какая-то работа.

Но всё же и за собой Глеб уже замечает эту старческую медлительность и меланхолию, которую пробуждает размеренное однообразное течение жизни. Кажется, он нашёл способ, чтобы немного встряхнуться и даже вспомнить молодость, для этого и пригласил Тимура сюда в «Моцарт». Они не перешли к деловому разговору, хотя общую суть Глеб уже изложил. Теперь осталось дождаться гвоздя программы, а пока они ждут, Тимур рассказывает «тему».

– Это было в нулевых ещё, когда мы с Ванькой ему «Мэриана» в Питере покупали. Ну помнишь, ещё того пятисотого?

– Как не помнить, его ведь Ванька по пьяни в хлам разбил...

– Ага, его самого! В общем, мы двое суток летели без остановки, а уже перед Утёсом заехали в какую-то тошниловку на обочине. Поели там шашлыка, а Ванька пузырь конины приговорил. Ну чё там... осталось три сотни километров до дома, решили что я дотяну. Не успели мы оттуда отъехать, как у меня кишки начали заворачиваться, отравили нас каким-то бутором. Ванька то выпил, ему вроде ничего, а с меня как с гуся течёт. Я каждые двести метров останавливался, чтобы в лес сбегать. Потом уже и не бегал никуда, просто сидел на обочину и вперёд. Короче, думал схохну. И тут Ванька говорит: «Бухни, может полегчает». А у нас с собой как раз два пузыря водяры было. Я беру бутылку и прямо из горла всаживаю половину. И чё ты думаешь? Как рукой

сняло. Но всё равно слабость и всё такое, так что Ванька вылезался сам машину вести.

– Пьяный? – щурится Глеб.

– А я чё трезвый был что ли? Из двух зол выбирают меньшее, а Ванька был в большем адеквате. Ну это я так думал.

Глеб бесшумно хохочет, сотрясаясь всем телом. Он-то знает, какой их друг Ваню адекват, особенно пьяный. Был!

– В общем как дал он гари под двести кэмэ, и это по их дорогам. Летит как шальной, а я только стону: «Ваня, давай потише, сцапают же». Ну и прямо возле Утёса вылетаем аккуратно на засаду. Он тормознул так, что его юзом потащило, осень уже была. Чуть он в патрульную машину и не врубился. Ну, думаю, кранты. Готовь, говорю, Ваня мешок с капустой, а он мне: «Хуй им, ни копейки не дам!». Выходит из машины, важный такой, направляется к старшему и как зарёт. «В чём дело, лейтенант? Какого чёрта ты нас останавливаешь, не видишь люди спешат!» У того мента аж челюсть отвисла. Пока он собирался с ответом, Ванька кричит : «Ну ты щас то понял, кого остановил, или тебе удостоверением в рыло ткнуть? Тот, вижу, совсем обмяк, а Ванька его рукой по плечу хлопает, «Ну ладно, бывает! Служба есть служба. Ты давай-ка, лейтенант, организуй мне сопровождение по городу, чтобы я не задерживался». Тот под козырёк и к машине.

Тимур хлопает широкой ладонью по белой скатерти, словно ставя точку в истории.

Всё время рассказа, Глеб продолжает тихо смеяться, а в

конце резюмирует.

– Да-а с Ванькой не пропадёшь, и не соскучишься! – Он вдруг тяжело вздыхает. – Жалко... жалко.

Официант словно шахматные фигуры расставляет закуски и раскладывает приборы.

– Миша, принеси нам по сто пятьдесят «Джека Дэниэлса», – командует Глеб, намазывая на батон толстый слой масла.

– Чё это с тобой Глеб? В середине недели бухнуть решил? Ты вроде в последнее время вообще ни-ни. – Тимур щурит без того узкие азиатские глаза.

– Не бухнуть Тимурчик, не бухнуть! – довольно мычит Глеб, жуя бутерброд. – Я хочу отметить это событие. Надеюсь, что теперь всё пойдёт на поправку. Да и Ваньку помянуть лишним не будет.

Официант Миша как раз разливает бурюю жидкость по квадратным стаканам.

– Здравый кипиш! – Тимур делает короткое движение стаканом в направлении товарища и одним махом выпивает всё его содержимое, залихватски запрокидывая голову.

– Слушай Тимур, когда из тебя вся эта блатная дурь выйдет? Чай уже взрослый мужик, двадцать лет как успешный бизнесмен, а всё по фене ботаешь. – Глеб, чуть пригубив из своего стакана, ловко насаживает на вилку маленький грибочек и отправляет его в рот.

– Не понимаю, чё тебя так напрягает? Ты же знаешь, что

меня поздно менять.

– Меняться никогда не поздно, Тимур. Меняешь себя, меняешь ситуацию вокруг. Доказано психологами.

Глеб занимается своим любимым делом. С аппетитом поглощает деликатесы со стола, при этом поучая непутёвого товарища. Он обожает совмещать два этих удовольствия.

Тимур, молча, наливает себе вторую порцию виски и отправляет её вслед за первой.

«Затрахал ты меня уже со своими нравами, интеллигент вшивый. Ты бы жену свою учил, как пирогами направо и налево не разбрасываться».

Для Тимура «Моцарт» связывается с весёлыми гулянками, корпоративными посиделками, на которых обычно присутствовали все четыре учредителя «Олимпа» со своими вторыми половинками. Глеб, и Лёха приходили с жёнами, а он и Иван с очередными тёлками. Ванька был женат и не раз, а потом завязал с этим гиблым делом. Тимур же, в отличие от своих друзей, ни разу не заключал брачных союзов. Он ещё ищет свою принцессу и надеется, что их встреча впереди. Надежда дело хорошее, но когда тебе уже за сорок она начинает приобретать формы шизофрении.

Все они одного возраста, всем скоро стукнет по сорок пять. Всем, кроме Ваньки, который уже полгода как отдыхает на Васильевском кладбище. Смерть Вани прогремела колокольным набатом среди множества звоночков, которые дзынькали последний год один за другим, словно говоря:

«Здесь что-то не так. Ребята не расслабляйтесь!». Но за двадцать лет ребята расслабились настолько, что их не могли разбудить маленькие колокольчики. Нужно было дожидаться, пока бухнет огромный колокол.

Со смертью Ивана вдруг всё стало ясно, словно в тёмной комнате включили свет. Стало очевидно то, что их хвалёной дружбы больше нет. Какое-то время она ещё держалась на этом весёлом балагуре, который скреплял эту компанию словно цементный раствор. Не стало Ваньки, не стало общих интересов, посиделок встреч. Их и при нём в последнее время было немного, но сейчас, как отрезало.

Дружбы нет, но бизнес то остался. Пока была хотя бы видимость тёплых отношений дела задвигались в дальний угол, и теперь пожалуй настала пора заглянуть в эти тёмные углы. Сейчас, по сути, у руля в «Олимпе» один Лёха. Глеб, Тимур и покойный Ванька давно уже не в теме и почивают на лаврах. И вот с каких-то пор стало Глебу не по себе, тревожно как-то. Может быть эта тревога связана со смертью Ваньки. Когда умирает самый живой из компании, невольно задумываешься о бренности бытия. Когда двухметровый здоровяк, любитель баб, бани и выпивки, падает за мертво, сражённый инфарктом именно в бане, в окружении этих баб и выпивки, любой философски настроенный ум будет искать в этом злую закономерность, начнёт задумываться о той тоненькой ниточке, на которой висит человеческая жизнь, размышлять о том, что же он оставит после себя, если вдруг... Тут то и

вспоминает философ, что есть у него доля в бизнесе, такая же бесхозная, как два сына живущие со второй женой. Словом задумался Глеб серьёзно, и к счастью своему нашёл лёгкий способ разрешить ситуацию. Напрямую с претензиями и ревизией к Лёхе не пойдёшь, а вот троянского коня ему можно подсунуть, и какого коня.

– Ну чё там? Когда твой сюрприз появится? Вроде шесть уже... – говорит Тимур, глядя на позолоченный хронометр, свободно болтающийся на запястье. В девяностые на этом месте была толстая золотая цепь, но всему своё время и место.

– Наверное, немного опаздывает, – виновато улыбается Глеб.

– Человек, который опаздывает на первую же стрелку, мне уже не очень нравится.

– Этому человеку можно...

Низкий, округлых форм спортивный Мерседес, как только что приземлившаяся летающая тарелка, пронзительно свистя резиной об асфальт, врывается на парковку перед рестораном. Пыльный столб, поднятый внезапным смерчем, на какое-то время висит над стоящими рядом машинами.

Тарелка приземлилась криво, практически поперёк разметки, но это видимо ничуть не смущает её пилота, который даже и не думает перепарковаться поаккуратнее. Длинная бардовая дверь отъезжает в сторону, и из неё выпадает

сначала одна, а потом вторая миниатюрная ножка в красных туфельках на невероятно высоких шпильках. Молодая женщина с огненно рыжими волосами и бледным, но очень смазливый личиком выходит из машины, а потом снова ныряет в салон, демонстрируя идеальные ягодички, обтянутые красной юбкой карандашом. Достав из салона большую кожаную сумку, в тон своему красному наряду, она, небрежно хлопнув массивной дверью «Мерса», цокает шпильками, направляясь к стеклянным дверям заведения с огромной вывеской «Моцарт» над входом.

– Эй, красавица, тебя кто так парковаться учил? – рычит густой бас из припаркованного рядом «Ниссана». – Поставь машину нормально.

– Мне некогда, там полно места! – Женщина, не оборачиваясь, машет пальчиками с ярко красным маникюром.

– Ты чё не поняла что ли? Переставь машину... слышь ты! Последние слова заставляют женщину остановиться у самого входа. Она разворачивается на сто восемьдесят градусов и решительно направляется к «Ниссану».

Подойдя почти в упор к открытому окну из которого торчит щетинистое скуластое лицо водителя она начинает говорить .

– Ты кому это сейчас сказал: « Слышь ты!» – голос дамы становится низким, переходит в мужской баритон.

Агрессия и напор водителя «Ниссана» мгновенно пропадают , им на смену приходит странный восточный акцент.

– Просто...нужно ж нормально парковаться...тут ж ещё люди приедут.

– А ты чё здесь главный по парковке? – из зелёных глаз женщины, вмиг превратившейся в демона, вырывается огонь.

– Я...нет...просто...– мычит водитель.

– Тогда просто завали своё хайло! – шипит вампирша. – В следующий раз отдупляй с кем базаришь, баран!

Загипнотизированный водитель сидит молча, боясь пошевелиться.

Рыжая презрительно смерив его взглядом, разворачивается, и, сделав несколько шагов, снова останавливается.

– На, перепаркуй! – она швыряет пластиковый ключик, который падает прямо в руку незадачливому водителю. – Ключ оставишь на сидении, – снова разворачивается и решительно направляется к входу.

Новоиспечённому сотруднику парковки, только и остаётся, что смотреть вслед агрессивной инопланетянке.

«Вот это соска!» – Тимур чуть было не проглотил язык вместе с куском жаренного ягнёнка, когда рыжая появилась в стеклянных дверях ресторана. Раньше он её никогда здесь не видел, и это странно, потому что ресторан (их ресторан) в основном посещают только свои.

«К кому она пришла?» – Он, не отводя глаз, смотрит,

как рыжая модельной походкой дефилирует вдоль прохода между столами. Она плывёт прямо к ним. Роскошные локоны разбросаны по плечам, вытянутое неестественно бледное лицо, высокий лоб, красивые подведённые губы. Аккуратные идеально круглые груди подпрыгивают с каждым шагом, словно два небольших мячика. Их наполовину скрывает шёлковая блузка одетая под бардовый пиджак. Зелёные кошачьи глаза направлены в их сторону. Она подходит к столу.

– Здравствуйте! Извините за опоздание...такие пробки сегодня. – Нежный бархатистый голосок вырывается из виновато изогнутых чувственных губок.

– Ничего, ничего, Ева, присаживайтесь. – Глеб вскакивает, галантно отодвигает стул.

«Что вообще происходит?» – эти слова уже готовы сорваться из уст Тимура, но Глеб его опережает.

– Вот, Тимур, познакомься. Это тот человек, о котором я тебе говорил.

– Ева! Она протягивает ему тоненькую, белую как бумага ручку с аккуратным свежим маникюром. Он берёт её в свою широкую лапу осторожно, словно боится задавить пойманную бабочку.

– Тимур!

Он долго не отпускает руку красавицы, одновременно пытаясь победить хаос, возникший в голове.

Что происходит?

Это тот человек, которого имел ввиду Глеб?!

Этого человека он нанял, чтобы внедрить в фирму?!

Это человек, который является лучшим (по словам Глеба) в такого вида делах?!

Это его, этого человека, порекомендовали Глебу надёжные люди?!

Эта смазливая, пахнущая ароматом фиалок бабёнка и есть этот человек?!

– Я правильно понимаю, что вы хотите на нас работать? – восторженно спрашивает Тимур, словно ему только что предложили руку и сердце.

– Не совсем так. Это вы меня нанимаете, чтобы я работала на вас... – улыбается рыжая и в её голосе слышится деловая хватка.

– И у вас есть опыт в такого рода делах?

Рыжая переводит взгляд на Глеба, мол, скажи ему сам.

– Ну да, я же тебе говорил... – вступает Глеб – у Евы очень хорошее реноме и нам её рекомендуют уважаемые люди.

– Ладно! – Тимур поднимает кверху широкие ладони. – На этот счёт больше никаких вопросов. Дальше будет видно по результатам. А вы знаете? Я даже рад, что в нашей команде теперь такая очаровательная женщина. – Это уже подкат, который он и не собирается вуалировать.

– Давайте выпьем и поговорим. Ева, вы что будете?

Разговор за ужином больше тянет на романтически-бытовой. Тимур сделался не в меру красноречивым. Он постоян-

но шутит и пытается, острить, что у него получается всегда не очень. Дело в том, что красивая женщина и работа это те две параллельные прямые, которые никогда не пересекаются в голове Тимура.

Глеб, в отличие от своего ветреного товарища, старается удерживать в голове мотив встречи и уже несколько раз за битый час безуспешно пытается перевести разговор в деловое русло.

– Я слышал, что женщины с зелёными глазами очень страстные в любви. Это правда? – Довольный раскрасневшийся как варёный рак Тимур держит в руках очередной початый стакан, в то время как уже второй графин вискарят приказал долго жить.

– Всё это относительно. Наверное тому кто это сказал было что с чем сравнивать. – красавица нисколько не смущается скабрёзным речам потенциального работодателя и с охотой поддерживает беседу. – Если вы задаёте такой вопрос, значит у вас просто недостаточно опыта.

– Что? – Тимур давится вискарём и прыскает в свой стакан. Вот это наглость. Говорить в лицо мужику, что у него мало опыта это верх безбашенности со стороны бабы. Странно, но эта раскованность и смелый прямой взгляд зелёных глаз поднимают на неведомую высоту и без того зашкаливающее либидо Тимура.

– Тимур Эрикович, это уже перебор. Не забывайте, что у нас деловая встреча. – Произнося эти слова, Глеб почему-то

виновато смотрит на Еву, как отец, которому стыдно за поведение сына.

– Извините, Глеб Викторович, при виде красивой женщины мозги начисто отключаются – поясничает опьяневший Тимур.

«Клоун хуев! – молча негодует Глеб, глядя то на осоловевшего товарища, то на рыжую красотку. – Да что с него взять? Он всю жизнь был в роли сторожевого пса. Он даже и понятия не имеет, как зарабатываются те самые деньги, на которые живёт не только он, а дай Бог будут жить его правнуки, если он их конечно займет. Сейчас, когда над этим безоблачным будущим сгустились тучи, вместо того чтобы сосредоточиться на деле он пропадает под чарами этой тёлки».

Глеб и сам поймал себя на том, что не может отвести глаз от этой рыжей бестии, от её пленительной улыбки, филигранно выточенной фигурки, грациозной осанки, гордо поднятого остренького подбородка.

«Как бы нам с ней не вляпаться. Но что делать, думать надо было раньше. Кто же знал, что нам подсунут такую бомбу».

В общем, сама деловая беседа, ради которой и назначалась эта встреча, получилась поверхностной, смазанной. Виной всему, конечно же, оказалась шокирующая внешность будущего агента. Любвеобильный Тимур растаял как кусок маргарина на раскалённой сковородке, а Глеб, хоть частично и был готов к такому повороту, всё же находился в состоянии

лёгкого шока. В этих сумбурных переговорах больше походящих на романтический вечер двух выдавших виды ловеласов и прекрасной гетеры в предвкушении бурного тройничка, Глеб узрел как плюс, так и минус. Собственно всё уже было решено и обговорено заранее. Эта встреча предназначалась для того, чтобы посвятить в дела Тимура, и не важно, как он усваивает эту информацию. В конце концов, это его дело, тем более, что детали ему и не нужны. В операционной деятельности «Олимпа» он понимает не больше чем борец смешанных единоборств в большом балете, и все вопросы по внедрению своего человека в организм фирмы Глеб продумал лично. Минус состоит в том, что Тимур запал на нового сотрудника. Глебу это ясно как день, он знает этого искателя приключений более двадцати лет. Нижняя голова Тимура, гораздо чаще, чем верхняя задаёт тон его жизненным поступкам. Глебу не хватило бы пальцев на руках и ногах, чтобы перечислить все нелепые ситуации, в которые попадал его друг и деловой партнёр, из-за болезненного влечения к слабому полу. Сколько раз очередная красотка, вскружившая голову этому азиатскому недошейху, вылизывала и высасывала из него очередную тачку, квартиру, или обнуляла его текущий банковский счёт. А как его обчистили шлюхи тогда в две тысячи третьем, когда они всей компанией катались по Средиземному морю на круизном лайнере? Тимурчик остался без денег, телефона, а главное без паспорта. Сколько сил и средств тогда пришлось употребить, что-

бы в очередной раз вытянуть этого огромного недоумка из очередной жопы. Да и срок свой тогда по молодости он тоже из-за бабы получил. Решил поломать из себя героя. В итоге сломал несколько кавказских клювов и с десятков рёбер в кабаке. Его тёлке видите ли не понравилось как на неё смотрят парни с соседнего столика. Один из грачей получил серьёзное сотрясение и Тимурчик угодил за решётку на пять лет. Девушка эта, кстати, сразу же слилась и даже на суд не пришла к своему рыцарю. Ему бы ещё тогда понять, что является источником всех его злоключений. Ан нет, его по сей день как щенка на поводке таскает за собой нижняя голова.

Вот и сейчас он растекается как сморчок по дереву, вместо того, чтобы сосредоточиться на деле. Но горбатого могила исправит. Единственное, что беспокоит Глеба это то, что Тимур будет пытаться крутить с Евой шашни. Помешать он ему ничем не сможет. Задушевные разговоры о том, что не стоит смешивать дело с бездельем здесь не помогут. У его старого товарища одна извилина и та ниже пояса. Осталось надеяться на деловую этику этой девушки. На неё он попытается повлиять. Только попытается, потому что Тимур по факту является для неё таким же работодателем.

Вот и сейчас по правилам делового этикета она должна уйти первой. Глеб не хочет оставлять их вдвоём.

– Итак, Ева, давайте пробежимся по нашим ближайшим задачам! – Глеб бесцеремонно обрывает очередной анекдот Тимура в самой его кульминации. Молодой любовник, на ка-

кое то время так и застывает с открытым ртом и с жареной креветкой, которую он по простецки держит между толстых пальцев. Он словно внезапно обнаружил, что кроме них с Евой за столом сидит третий человек.

– Четырнадцатого в среду мой первый рабочий день. В отделе кадров всё улажено? Руководство в курсе? – Рыжая красotka мгновенно перестраивается на деловой тон.

– Да, старая секретарша с завтрашнего дня увольняется. Мы с ней поработали немного, дали ей хорошую компенсацию. Директор наш её очень ценил, но она ссылается на больную мать к которой вынуждена ехать на Украину. Вас уже порекомендовали, как бы от третьих лиц. Собеседования не будет, директор просто оценил ваши деловые качества по предъявленному фото. – Глеб и Ева улыбаются, а скуластое лицо Тимура, напротив, делается мрачным.

– О Кей, значит четырнадцатого я непосредственно приступаю к работе...

– Договорились! Дальше будем действовать по обстановке, в соответствии с информацией, которая будет поступать от вас. Может есть ещё вопросы? – Этой фразой Глеб даёт новой сотруднице тонкий намёк, что ей пора откланяться.

Она ухватывает пожелание нового работодателя на лету.

– Возможно, они появятся по ходу дела, но пока всё ясно. Вы извините, я могу сейчас удалиться, а то у меня ещё пара встреч.

– Безусловно! – обрадованный Глеб тянет Еве руку.

Расстроенный Тимур долго смотрит ей в глаза, а потом, прижав её ладошку к губам, бесцеремонно долго её целует, так что красавица смущенно улыбается.

– Было очень приятно познакомиться! – Тимур, наконец-то отрывает губы от белой ручки. Надеюсь, скоро встретимся...

– Взаимно!

Тимур продолжал таращиться на стеклянную дверь ещё минуту после того как танцующие бёдра рыжей куколки скрылись за её створом.

Повернувшись к столу, он наливает себе полный стакан виски и долго пьёт его медленными глотками. Рукой выдёргивает подложенный под мясо зелёный лист, суёт его в рот, жуёт, двигая челюстями как корова. В узких глазах тлеют угольки.

– Эх Тимур, бабы не доведут тебя до добра! – качает головой Глеб.

– Кончай! – Тимур машет огромной лапой, словно отгоняет от стола муху. – Так ты её под Лёху подложить хочешь?

– Не я, а мы! Мы вместе Тим, не забывай. Не только под Лёху, а под всех под кого МЫ посчитаем нужным.

На этот раз за шлифованными стёклами очков Глеба проплёскивают два кусочка льда. В его изменившемся голосе чувствуется металлический холодок.

2

В июле обществу с ограниченной ответственностью «Олимп» исполнится аж двадцать лет. Фирма прошла все стадии развития: младенчество, когда могла загнуться в любую минуту от синдрома смерти в колыбели; буйное отрочество, когда она кулаками и зубами доказывала конкурентам своё право на существование; юность с её далеко идущими планами и проектами, большинство из которых прогорали, оказавшись убыточными. Сейчас настала новая веха развития. Фирма стала взрослой и самодостаточной. Именно сейчас у неё есть всё: репутация, уверенная позиция на рынке и своя ниша. «Олимп» на пике своего развития. Обороты исчисляются сотнями миллионов, прибыль десятками оных, численность сотрудников достигла двухсот человек.

Двадцать лет это лучший возраст, в котором набравшая силу молодость имеет ещё и опыт. Что будет дальше? Тридцать, сорок, пятьдесят. А ведь это уже деградация и старение. Может быть лучше уже некуда, и дальше будет только хуже?

Праздник намечается грандиозный. Старина «Моцарт» не потянет такого масштаба, поэтому Алексей уже позаботился и зарезервировал огромный ресторан «Президент-отеля». Будут приглашены все городские шишки, представители крупных фирм партнёров, будут мэр, губернатор и цен-

тральные телеканалы. Алексей не поспеет, чтобы заказать лучшую концертную программу, с лучшим ведущим в городе. Возможно, даже удастся пригласить кого-нибудь из звёзд, по крайней мере, переговоры уже ведутся.

Подготовкой к юбилею Алексей занимается лично. В серьёзных делах он не доверяет никому. Да и в несерьёзных тоже, просто всем заниматься уж точно нет времени.

Алексей один из четырёх учредителей, который по сей день работает на фирме, знает всех ключевых партнёров лично, и сам ведёт важные переговоры. Он вникает во всё, в качество поставляемой на рынок продукции, в издержки производства, в бухгалтерскую отчётность, в работу менеджеров, он вникает в каждую финансовую операцию.

Нет, он не старый пердун из тех, которые обычно сидят в компаниях на ролях замов или советников и своим ворчанием, только мешают работать менеджменту. Он сам подписывает все бумаги, сам отвечает за каждое своё действие, за каждую истраченную и полученную копейку, а соответственно и за действия фирмы в целом. Он сам является генеральным директором, когда то давно раз и навсегда отказавшись от наёмников. Возможно, только благодаря ему, фирма смогла выжить во время дефолта, во время спада нулевых, в экономические кризисы восьмого, десятого, шестнадцатого, да сколько ещё их там будет. Благодаря своей тотальной вовлечённости в работу он не пускает на самотёк ни одного процесса, он постоянно обновляет кадры. Для него не существу-

ет незаменимых людей. Каждый зазнавшийся, засидевшийся и заскучавший на своём месте незамедлительно увольняется, какие бы ранние заслуги за ним не числились. Благодаря своему трудолюбию и вовлечённости он в свои сорок пять сохранил живость ума, цепкость к цифрам, адаптировался к новым технологиям и принципам ведения бизнеса.

Он чувствует, что только работа является залогом его непроходящей молодости. Он обновляется вместе с новыми технологиями, а решение трудных задач сохраняет его силу.

Он любит жизнь, свою работу, а ещё он любит женщин. От молоденьких девчулек, до статных средних лет дам. Любовь к слабому полу, его внутренний реактивный двигатель, благодаря которому он с огромной скоростью летит по жизни. Кстати, любовь эта не безответная и не только благодаря его статусу. Есть в нём что то такое, то, что притягивает самок любого возраста и сословия. Есть что-то такое во взгляде его серых широко расставленных глаз. Один взгляд его серых, пронизывающих насквозь глаз, заставляет ощутить приятный холодок внизу живота подавляющего большинства попадающим у него на пути жертв.

В плане любовных побед Алексей держит несомненную пальмовую ветвь среди своих друзей. Возможно Тимур и покойный Ваня по темпераменту не отставали от него, но его магнетизм не оставлял им шанса для конкуренции. Самым слабеньким в этом плане оказался Глеб. Нет, раньше он тоже был ого го, но вот только сдал с годами. Вот что значит

привычка жить без проблем и без работы. И в том, что жена Глеба однажды ему дала, это не его Алексея и не её вина. Это вина Глеба, который, видимо, перестал давать ещё молодой женщине то, что ей необходимо, в полном достатке.

Свою жену Лену, Алексей этим достатком балует. Он не руководствуется принципом, если где то прибыло, значит где-то убывает. Здесь он является порядочным налогоплательщиком. Он знает, что такое долг перед женщиной, которая дала ему детей.

Все действующие учредители «Олимпа», включая безвременно выбывшего Ивана, в большей или меньшей степени когда-то оказались полезными для фирмы, тем самым косвенно повлияв на её становление и развитие. В зависимости от степени этого влияния и распределились их доли. У Алексея и Глеба по сорок процентов, у Ивана – пятнадцать, у Тимура – пять.

Тимуру грех обижаться на самый маленький процент, ведь он попал в команду почти случайно. Его взяли за два качества, которые так необходимы бизнесу по сей день – за большие кулаки и связи в криминальном мире. Бывшего банщика с тёмным прошлым ввели в учредители малюсенькой тогда фирмы. Кто же знал, что фирма так разрастётся и Тимур вместе с остальными учредителями превратится в состоятельного человека. Как это здорово, получать пожизненный доход, осознавая, что он является результатом одного твоего качества или действия. К настоящему моменту ни у Глеба ни

у Тимура давно нет ни качеств ни действий. Они забурели, расслабились, отошли от дел, и только косвенно участвуют в принятии каких-нибудь важных решений.

Не косвенно участвует в воспитании своего детища только Алексей. Он не как тот приходящий папаша, который раз в месяц заглядывает в дневник сынишки оболтуса, сетуя, чего он у него такой дибил. Подобно бурлаку на своих плечах он тянет эту баржу, не смотря на вечную усталость, недосып и боль в груди от впивающихся в неё ремней ответственности. Но это упорное сопротивление течению и силе тяжести и есть его жизнь. Стоит ему сбавить шаг или не дай бог остановиться, баржа утянет его в глубокий омут.

Сегодня как обычно всё идёт не по плану. Он к этому давно уже привык и составляет планы просто, как примерное руководство к действию, зная, что жизнь разобьет все эти планы в пух и прах. С самого утра телефоны разрываются, в селекторе орут наперебой, «ватсап», «скайп» и «вайбер» пищат и дзынькают, каждую секунду выдавая новые сообщения. Ко всем текущим проблемам добавились камеральная проверка и банкротство крупного клиента с огромной дебеторкой.

Алексей многостаночник, он привык делать столько дел разом сколько может ухватить руками глазами и ушами. Если бы можно было задействовать ноги, он бы без проблем включил их в работу, только вот таких технологий пока не

придумали. Сейчас он одновременно говорит по стационарному телефону с потенциальным поставщиком, слушает в беспроводном наушнике отчёт главбуха о поступлениях и просматривает на мониторе товарные остатки.

– Хорошо Михал Саныч, жду коммерческое предложение. И про тридцать процентов скидки не забудьте. Извините, пожалуйста... Алина, а «Корунд» так и не заплатил остаток? А почему только пол ляма? Алина, это и ваше дело тоже, следить, чтобы дебиторка не росла, как на дрожжах. Хорошо, коммерсанты тоже получают втык, но и вы не забывайте... Да, Михал Саныч, в общем с вас коммерческое, и к нему ещё систему скидок на объём прикрепите. Ну всё, извините, у меня другая линия... Да, Саш... Почему доверенность не правильно оформлена? Ты уже в суде? Я сейчас этому ёбаному юристу вставлю так, что мало не покажется. Ну чё делать, попроси, чтобы подождали. Скан доверенности их устроит? Ну узнай... Да, Сергей, приветствую! Хорошо, что позвонил, на ловца и зверь бежит. Ну куда наши пять контейнеров пропали? Проблемы на таможне? Уже три недели прошло, и вы до сих пор не решили? А кто неустойку и хранение товара на складе оплачивать будет? Давайте решать, это в ваших же интересах... Да, Алина! Сколько в целом? Пятьдесят? Хорошо, останешься после планёрки, вместе посмотрим...

Телефоны не затыкаются ни на секунду и это обычный рабочий день. Странно, что ещё не собрались на планёрку. Где народ?

Алексей слышит оживлённую беседу в приёмной. Орут, смеются, как на базаре. Он смотрит на часы. Золотые стрелки на огромном круглом циферблате сбились в кучу. Что за чёрт? Пружинкой вскакивает с кресла, быстрым шагом идёт вдоль длинного стола, как всегда бодрый, мобильный, вечно молодой. Распахивает дверь.

Все три зама сгрудились вокруг стола секретаря, за их спинами топчутся начальники отделов, словно ждут своей очереди.

Вид директора внезапно распахнувшего дверь, сбивает спесь и весёлое настроение главного коммерсанта Димы Иванова, который обрывает на полуслове адресованную кому-то пламенную речь.

– Товарищи, за чем стоим? Что дают? – Он отпускает шутку советских времён понятную здесь далеко не всем. В отношениях с сотрудниками он придерживается либеральной позиции.

Народ, смущённо понутив головы, начинает просачиваться в открытую дверь и Алексей невольно чувствует себя швейцаром. Когда последнее тело в виде миниатюрной главбухши Алины пропадает в кабинете, он замечает объект, вызвавший оживление и пробку на входе. Этот объект действует на него, как красная тряпка на быка. Собственно объект и является почти красным. Красный брючный костюм, красные туфли на высоких тонких шпильках, огненно-рыжие волосы, забранные в пучок, который пронзают три деревян-

ных шпильки. Алексей поражён настолько, словно вместо рыжей девушки увидел сидящую на столе сказочную жарптицу. Она поднимает бледное личико и виновато моргает глазками. Длиннющие ресницы порхают как крылья бабочки, прикрывая изумрудные небывалой красоты глаза, которые заставляют замереть даже такого искушённого ловеласа.

– А-а! Вы же наша новая секретарша! – Алексей звонко щёлкает пальцами и расплывается в сахарной улыбке. – Вы уж извините, что не познакомился. Просто с утра как заскочил в свой кабинет так и не выходил ещё.

– Это вы меня извините! Я сама должна была зайти к Вам и представиться... – виноватая улыбка и поджатые плечи рыжухи диссонируют с уверенным взглядом и абсолютно безмятежным плавным бархатным голосом.

– Я Ева, – она протягивает над столом узкую ладошку.

– Алексей... Алексей Фёдорович. – Импозантный, начинающий сидеть, но ещё не утративший своей привлекательности директор в отливающем металлом сшитом на заказ костюме с торчащим из маленького кармашка позолоченным колпачком пера «Паркер», вдруг нагибает голову и целует руку секретарше. Эта сцена может удивить только новичка, или человека со стороны. Старожилы фирмы, знающие нрав Алексея Фёдоровича нисколько не удивились бы такому зрелищу. Здесь все знают, что он тот ещё ходок.

– Давайте так, Ева... мы поговорим о вашей... нашей совместной работе ближе к обеду, когда я разберусь со всем

этим шалманом, – вкрадчивым, переходящим в шёпот голо-
сом говорит Алексей, указывая на дверь.

Рыжая пожимает плечами, мол, как скажете, господин ди-
ректор, и два очаровательных бугорка под белой сорочкой
чуть вздымаются кверху. В такт с бугорками вздымается
что-то, что находится у Алексея под кожаным ремнём от
Клаудио Калестани.

Он с трудом отводит глаза от мощного магнита, и, расте-
рянно кивнув, залетает в кабинет. Подчинённые, рассеви-
вшиеся вокруг огромного овального стола, замечают больной блеск
в глазах, и горящие пламенем уши директора.

Дима Иванов толкает коленкой под столом своего соседа
Саньку Ивлева из снабжения. Тот, понимающе качает голо-
вой, глядя на сидящего напротив финика Ивана Бурунова,
тот в свою очередь подхватывает вирус хитрой улыбки и пе-
редаёт его дальше по кругу.

Планёрка прошла на удивление вяло и сумбурно, не смот-
ря на огромный объём и остроту навалившихся на фирму
проблем. Хотя, чему тут удивляться каждый из пятнадцати
присутствующих понял, что директор в очередной раз влип
по уши. Алексей и сам удивлён такому сильному впечатле-
нию от новой секретарши. Такого с ним давно не было, на-
верное, со времён бурной молодости, когда он терял голову
от каждого смазливого личика. Сейчас, когда он надеялся,
что острота чувств с годами немного притупилась и он, на-
конец-то, может наслаждаться жизнью, сбросив с себя это

ярмо любвеобильности, вновь эта вспышка. Он снова заболел, как подросток в марте.

Масштаб недуга он смог оценить уже через пять минут, когда проводил планёрку. Он чувствовал себя, как нокаутированный боксёр. По несколько раз переспрашивал, что ему говорили подчинённые, долго не мог найти правильных ответов, хотя верные и моментальные решения всегда были его коньком. По окончании планёрки он никого не задержал, чего за ним вообще не водилось.

– Алексей Фёдорович, вы говорили, что мы разберём платежи после планёрки. – Главбух Алина решает проявить инициативу.

– Алина, давай после трёх, сейчас у меня переговоры важные... – неуклюже врёт Алексей и напутственным жестом отпращивает из кабинета последнюю сотрудницу. Он упирается широким лбом в ладони и запускает пальцы в начинающие сесть густые волосы.

«Нет, с этим надо что-то делать. Скоро уже полтинник стукнет, а я всё подпрыгиваю как пацан от каждой ш...» – он замечает, что даже в мыслях не хочет называть эту рыженькую Еву шлюхой. – Что это? Любовь с первого взгляда? Ха-ха-ха! Вот дожил, старый пердун. Может бром начать пить? Вот ржак то будет! Мужики в моём возрасте «Виагру» пьют, а я бром. Уникум, блядь!».

Он пытается включиться в работу, крутит роликом мышки, мотая на мониторе ленту с остатками товара, пальцем

левой руки по привычке листает список пропущенных звонков на большом прямоугольном экране телефона. Смотрит по переменке туда и туда. Он так привык. Его мозги с лёгкостью могут удерживать внимание на двух – трёх одновременных занятиях. Только вот сейчас он похож на робота, у которого слетела программа. Обе руки и бегающие с монитора на экран телефона глаза совершают бесполезное машинальное действие. Он очень далёк от того, чем сейчас занимается. Это его и пугает больше всего. Он уже и не припомнит, когда в последний раз случилось что-то, что могло выбить его из колеи, отвлечь от важных дел, изменить намеченный график. Он всегда чётко разделял интрижки, бытовые и прочие проблемы и работу. Он умел полностью переключать мозги на важные дела, а когда нужно крутил тумблер в обратную сторону и тогда из Алексея Фёдоровича вмиг превращался в играющего мурлычащего котика, трущегося седеющей палевой шёрсткой о гляцевую ляжку очередной пассии, или в шкодливого романтика скачущего по перилам пешеходного моста с огромным букетом ромашек в руках. Всё это имеет место в жизни достопочтенного директора, но всё это находится за бортом дела, которым он живёт. То, что происходит сейчас похоже на атаку сильнейшего вируса, которым в последний раз он страдал в далёкой молодости.

Он несколько раз пробегается вокруг стола и снова садится в огромное кресло. Коротким движением пальца успокаивает завибрировавший телефон.

«Не до тебя мне сейчас, Серёжа!».

Ещё раз смотрит в монитор, переводит взгляд на огромный как вертолётная площадка стол, уставленный дорогими безделушками, с него на большое окно за которым в солнечном мареве и густой зелени утопает центральный городской парк, потом, словно отмерев, звонко хлопает себя по ляжкам обтянутым дорогим шёлком брюк. «Нет, клин клином вышибают! Надо сегодня же разобраться с этой девочкой и уже успокоившись жить и работать как прежде.

Бархатный голосок в селекторе словно откликается на его мысли.

– Алексей Фёдорович, к вам тут пришли.

Он нажимает иконку на экране монитора и в нём появляется одутловатое лицо Андрея Скоробогатова, его зама по строительству. Они же сегодня должны утвердить очередную смету на здание склада. Подрядчик ждёт, ему нужно закупать материалы, пока цены не подскочили.

Перспектива двухчасового кропотливого въедания в километровые портянки с перечнем материалов и работ его сейчас совсем не радует.

– Ева, скажите Андрею Палычу, что по вопросу сметы я жду его завтра в десять утра. Сейчас я очень занят.

– Хорошо, Алексей Фёдорович, – льётся из трубки терпкий нектар её голоса. Пухлое лицо Андрея недовольно покривилось, но тут же пропало. На картинке в мониторе остались только два сиротливо стоящих стула. Жаль, что камера

только одна и направлена в угол, где сидят ожидающие своей очереди посетители. Не хватает ещё одной камеры, прямо над столом, где сидит секретарша. Он тут же представил вид сверху, с которого как на ладони просматриваются два вожделенных бугорка и заветная ложбинка.

«Господи, о чём я опять думаю! Нет, с этим надо заканчивать».

Он уворачивается от доброго десятка звонков, которые гремят один за одним пулемётной очередью.

– Денис Викторович, давайте завтра созвонимся... у меня пока нет информации.

– Нет... сегодня не смогу, давайте перенесём встречу на конец недели...

– Перезвоните пожалуйста завтра...

– Извините, мне некогда...

Кроме звонков тех, кто имеет доступ к его мобильному, есть ещё те, кто домогается его тела посредством корпоративной связи. Пластиковый корпус стационарного телефона вот-вот взорвётся от непрекращающихся звонков. Сбросив очередной вызов сотового, он жмёт на кнопку селектора.

– Ева, зайдите, пожалуйста!

Ну вот, появилась возможность вступить в личный контакт.

Она заходит в кабинет и останавливается в дальней его части, на противоположном конце длинного стола. Сложила ручки крестиком, словно прикрывает объект, на который

он вознамерился покуситься. Ножки в обтягивающих идеальные бёдра шёлковых брюках тоже скрестила. Голова на тонкой шее склонилась на бочок, скромная улыбочка тонких но фигуристых губ. Прямо девочка школьница, не хватает только белого бантика.

– Подойдите ближе, я не кусаюсь – он тепло улыбается, пытаюсь разом снести все барьеры, которые удерживают подчинённых в рамках субординации. На самом деле, он один из немногих начальников (даже внутри этой фирмы) который не любит этих барьеров и между своими обращается максимально просто. Позволяет заходить к себе в любое время без стука по простому; может по простому набухаться в обществе замов и главбуха в конце тяжёлого рабочего дня; попростецки может с ног до головы покрыть русским матом, или швырнуть увесистой папкой в подчинённого за серьёзный косяк. До рукоприкладства ни разу не доходило, если не считать оным приложение рук к интимным частям тел некоторых сотрудниц фирмы.

Она покорно приближается на несколько шагов, но встаёт всё в ту же защитную позицию. Что-то не складывается. Есть что-то не то в этом образе институтки, подчёркнутым миниатюрной фигурой, скромным макияжем, забранными в пушистый лисий хвост волосами, брючками и белой блузкой. Скромность образа перечёркивает отсутствие лифчика и дерзкий взгляд новой работницы. Его взгляд снова примагнитился к выпуклым очертаниям сосков под школьной

блузкой.

– Ева, я хотел вас попросить, сегодня перевести все звонки на приёмную, – говорит он, поедая её с ног до головы жадным голодным взглядом. – Когда будут спрашивать, скажите, что я занят, пусть набирают завтра.

– Как скажете, Алексей Фёдорович! – в уголке её рта еле заметная улыбка. Этой шаловливой улыбки хватает, чтобы заставить его сердце подпрыгивать, ударяясь в кадык. Он уже было тянется к галстуку, чтобы ослабить затягивающийся петлёй на шее узел, но вовремя отдёргивает руку.

– Ещё... посмотрите в своём журнале все назначенные после трёх встречи и перенесите их. Так и...

«Да что же ты со мной делаешь, я поплыл как школяр, совсем не могу собраться». Он напрочь забыл, что хотел сказать и застыл с этим застрявшим во рту «И», таращась в два зелёных омута.

– И-и-и...

Она продолжает снисходительно улыбаться, мол давай уже, рожай, директор.

– Да... и сварите мне кофе. – Фу ты, чёрт!

– С кофе машиной я постараюсь разобраться, с переводом звонков и переносом встреч вроде тоже всё понятно, вот только по каждому пункту есть вопросы.

– Да что вы? – он кладёт подбородок на кулак. Игра началась! – Задавайте, Ева, не стесняйтесь.

– Вопрос номер один – какой кофе вы предпочитаете, чёр-

ный, эспрессо, капучино?

– Обычный чёрный средней крепости без молока.

– Второй вопрос, как переключить аппарат, чтобы все звонки шли через приёмную? И соответственно третий вопрос: на какое время и даты переносить отменённые встречи.

Он хлопает ладошкой по широкому лбу. – Тьфу ты чёрт! Вы меня ради Бога извините! Мы с вами и не познакомились толком, а я вас уже работой грузу, так ничего и не объяснив. Ну, ничего, сейчас всё расскажу и покажу. А на счёт знакомства и вашего введения в должность, то это нужно отметить. Вы как считаете?

Она пожимает плечами.

– Сегодня вечером приглашаю вас посидеть где-нибудь в уютном месте. Познакомимся поближе, а заодно и пообщаемся на счёт работы.

– Не-ет...сегодня я не могу, – она решительно крутит головой.

– А что так? – Вопрос прозвучал немного растерянно. Он пока ещё отказывается понимать, что кто-то может отклонить предложение, от которого нельзя отказаться. Разве можно себе вообразить даже во сне, что большой босс, хозяин крупной фирмы пригласит занюханную секретутку в ресторан, вместо того, чтобы тупо оттрахать её вечером на своём столе (как он кстати и делал с её предшественницей, да и не только с ней). Когда тебе делают такое предложение, ты должна забыть, что у тебя есть дела, парень, или даже муж

и пятеро детей. Нужно радостно завилать рыжим хвостиком с криком «Я согласна!».

– У меня уже есть планы на сегодняшний вечер! – бесцеремонно заявляет рыжая.

«Вот так вот да? Лучше не зли меня. Ладно, даю тебе последний шанс».

– Хорошо, а как на счёт завтрашнего вечера?

– И на завтрашний вечер у меня тоже есть планы!

Он пожимает плечами, и его взгляд растерянно прыгает с зелёных глаз на оттопыренную блузку под расстегнутым на три пуговицы воротничком. Он чувствует себя как малыш с вкусной шоколадной конфетой. Конфета в золотистой обёртке, пахнувшая свежим шоколадом уже в маленькой ручке. Но он по какой-то причине не может сорвать с неё обёртку и откусить добрую половину прямо здесь и сейчас. Он, конечно, съест эту конфетку, ведь она принадлежит ему, как и всё внутри этого пятиэтажного офиса. Только хочется то прямо сейчас.

– Очень жаль! Ну что ж, вы я вижу человек занятой и я тоже. Но я ни коим образом не смею посягать на ваш досуг. Когда в вашем тесном графике найдётся хотя бы часик свободного времени, дайте мне знать. Я в свою очередь всегда найду окно в своём графике для нового перспективного сотрудника.

«Вижу, ты любишь поиграть! Тебя не устраивают шашки, тебе нужны шахматы? О кей, девочка, давай играть».

– А сейчас Вы можете идти работать! – он разводит руками.

– А как на счёт моих вопросов?

– На счёт кофе, вы разберётесь, а звонки, пока не переводите и встречи тоже не отменяйте. У меня внезапно поменялись планы.

Она улыбается, чуть приоткрыв ротик, из которого выглядывает острый кончик языка. Прищурила левый глаз, почти подмигнула, повернулась на каблуках и, покачивая бёдрами направилась к дверям.

Правила приняты! Игра началась!

Провожая взглядом танцующие бёдра, он вдруг замечает, что под тонким шёлком брюк нет больше ничего, кроме полушарий идеальной формы.

3

Она не носит бельё с шестнадцати лет. Без него она чувствует себя гораздо свободней и не только. Есть ещё что-то — ощущение превосходства, исключительности, вооружённости. Её главное оружие всегда в боевой готовности, и ему не нужны ножны.

Первый раз она попробовала ещё в школе. В этом было что-то запретное непотребное и в то же время возбуждающее. Она шла по широкому школьному холлу сквозь строй озабоченных утырков в синих костюмах, которые шептались, давали скабрёзные комментарии, издавали противные стоны и вздохи, и чувствовала себя отлично. Она шла, словно гвозди вбивая шпильки каблуков в этот деревянный пол и чувствовала приятный холодок под укороченной до невозможности юбкой. С этого момента она стала другой, и мир уже никогда не будет таким как прежде. Она чувствует себя почти свободной. От полной свободы её отделяет только тоненькая полоска серой ткани. Что случится с этими прыщавыми недомерками, если они узнают о её маленьком секрете. Что случится с рукоблудным физруком и с завхозом. Она представляла выпученные глаза, открытые рты и стекающие на пол слюни. Но они, все они, и так что-то почувствовали. Наверное, что-то изменилось в её походке и во взгляде, что вызывает вождеденное пристальное внимание скучающих в

ожидании уроков старшекласников. Может быть неуловимый запах женщины пробудил в них животный инстинкт, который заставит их ползать за ней на четвереньках, высунув язык на бок. Теперь ей плевать, что будет орать Маргарита, их классная на счёт её юбки, шпилек и яркого макияжа. Она пришла в школу с оружием. Там внизу, на пять сантиметров выше обреза юбки находится бомба, которая в случае чего разнесёт на куски всю эту ёбаную школу. Она вооружена и поэтому теперь ничего не боится.

Всё в её жизни было неправильно с самого детства. Неправильная семья состояла из одной только мамы, и та любила выпить и погулять. Внешность тоже была неправильной: рыжие волосы, конопушки и сама как глиста худая и маленькая. Чем не объект для издёвок сверстников? Даже имя и то было неправильным. Ева, это ж надо додуматься. Мать так и не смогла ей объяснить, в каком угаре они с бывшим папашей умудрились дать ребёнку такое имя. Дело то даже не в имени, а в его обладателе. Имя первой женщины на земле может носить высокая черноволосая красавица, но никак не рыжая замухрышка, которую в жизни ждёт только собирание крошек под столом нормальных людей.

Проблема рыжего гадкого утёнка состояла в том, что она не хотела мириться с этой неправильностью. Она боролась с клеймом ребёнка из неблагополучной семьи тем, что целы-

ми вечерами зубрила уроки, так что из троечницы к пятому классу превратилась в круглую отличницу. Она боролась со своей казалось бы врождённой трусостью и стеснительностью и ценой синяков, глубоких царапин от длинных ногтей и миллионов вырванных волос своих и чужих, со временем превратилась из забитой замухрышки в неприкасаемую гордую одиночку. Самая тяжёлая и кровопролитная борьба с непривлекательной внешностью велась беспрестанно и самоотверженно.

Она постоянно меняла причёску, красила волосы во все цвета радуги, а однажды в шестом классе постриглась под сантиметр, чем вызвала тихий шок одноклассников и педагогов. С одеждой она тоже постоянно экспериментировала, перешивая старые материны шмотки и школьную форму по своему довольно странному вкусу. Очень часто вызывающий и несуразный прикид вызывал скрытые смешки сверстников (в открытую над Евой было чревато смеяться). В общем, чтобы она не творила со своей внешностью, всё это получалось как-то несуразно.

Но в один прекрасный момент всё изменилось и наладилось само собой. Природа и время сделали своё дело и превратили гадкого утёнка во вполне себе симпатичную и неординарную девицу. Веснушки поблекли и стали почти незаметными. Бледный цвет вытянувшегося и приобретшего правильные формы лица в контрасте с рыжими волосами, которые стали густыми и роскошными сделали её яркой,

выделяющейся из сотен сверстниц. Щуплое тело приобрело формы и превратилось в идеально выточенную фигурку с маленькими, но невероятно эротичными грудями и с длинными поразительно тонкими у щиколоток ногами. Теперь на такой фигурке даже самая невзрачная и выдавшая виды одежда смотрелась, как последний писк моды.

Жизнь поменяла вектор. Внимание мужского пола обрушилось на неё внезапно, подобно лавине. Теперь на неё заглядывались самые центровые пацаны, не только из класса, но и из школы. К ней подкатывали на переменах и на улице, когда она шла из школы, но подкаты пока были детские несерьёзные исполняемые сопливыми одноклассниками. Этих она презрительно отшивала, зато когда её позвал в киношку породистый спортивный бычок из десятого класса, она вдруг согласилась. Сначала ходили в кино, потом поели мороженого в кафе. Дальше больше: вечер страстных поцелуев в пропахшем кошатиной подъезде и в финале визит в квартиру юного джентельмена, сразу же после школы, пока его предки не вернулись с работы.

Так это всё и случилось в первый раз, на пружинной кровати в маленькой комнатке, бок о бок с ковром, на котором в сосновом бору резвились маленькие медвежата. Её никто не брал силой, даже уламывать долго не пришлось. Она хотела этого, как и все девчонки в этом трудном возрасте, только с некоторых пор она привыкла получать то, что хочет и не париться по поводу морали. Она мечтала ощутить рукою мощ-

ный ствол, который представлялся ей твёрдым как дерево. Ей хотелось почувствовать внутри себя настоящего мужчину. Это оказалось проще пареной репы. Просто, но почему то не так приятно, как она это представляла. Коля (так звали её первого парня) едва дотянул до основного акта. Умазав слюнями её лицо и грудь, он нервными рывками впихивал в неё своё орудие. Она не успела ничего почувствовать, кроме резкой боли внизу, которая вдруг внезапно закончилась. Коля, сделав несколько конвульсивных рывков, вдруг запищал и затих. Она почувствовала горячую жидкость, толчками выходящую из его ствола и только в этот момент подумала, что Коля даже не удосужился натянуть резинку, которую крутил в руках во время недолгой прелюдии. Он тут же соскочил с неё как с чего-то заразного, сел в кресло рядом с диваном и довольно закурил, как до смерти упахавшийся человек. Ей вдруг стало обидно и противно. Она смотрела на его довольную ухмылку, красную харю, болтающийся между раскинутых ног хрен и представляла, как уже сегодня вечером, он во всех подробностях будет рассказывать своим друзьям, как сломал «целку».

– И это всё?! – хмыкнула она и вдруг засмеялась. – Дай сигарету, половой гигант! – В её голосе было столько презрения, что красное лицо Коли начало стремительно бледнеть, а его боевой друг, вдруг стал ужиматься и усыхать в размерах. Коле, почему то сразу же захотелось прикрыться, и он в первую очередь натянул на себя трусы, а уже потом дал Еве

сигарету и помог прикурить.

– Чё руки то трясутся! – она, улыбаясь, щурила глаза на оплошавшего кавалера. – Да ладно, с кем не бывает. Я никому не скажу.

По щербатым ступеням подъезда она спускалась уже довольная собой. Ну что, какой никакой, а первый опыт состоялся. Дальше будет лучше. Главное, что этот Коля будет держать свой язык там, где ему положено быть.

Первый опыт показал ей, что она больше не хочет иметь дело с сопливыми юнцами. Она поняла, что теперь ей нужен настоящий мужчина.

Тонкие шпильки отбивают дробь на ярко зелёном глянце-вом покрытии. Она быстро семенит по коридору, ведуще-му от приёмной к лифту. Справа и слева двери покинутых офисов. Рабочий день закончен, и всё здание словно вымер-ло, хотя кое-где раздаются щелчки мышки и пение лазерно-го принтера. Допоздна работают только финики и коммер-санты.

В квадратном холле в ожидании лифта стоит человек в бежевом лёгком костюме. Небольшого роста, средних лет, светленький с усталой улыбкой под пшеничными усиками. Галстука на человеке нет, а белая рубашка расстёгнута на три пуговицы.

– Здравствуйте!

В серых глазах мужчины появляются светлячки, добро-душная улыбка приподнимает усики и открывает ровный ряд зубов. Её появление в холле в миг преобразило этого усталого человека сделав его подтянутым бодрым и даже в чём то обаятельным.

В ожидании лифта он то и дело бросает на неё взгляд не решаясь заговорить. Она его не видела сегодня среди посети-телей приёмной. Скорее всего, какой-то мелкий клерк. При каждой встрече взглядами Ева мило улыбается незнакомцу. Заигрывать с мужиками, улыбкой и взглядом пробуждать в

них основной инстинкт давно уже стало для неё рутинной работой, которую профессионал выполняет машинально.

Они заходят в бесшумно раздвинувшиеся двери лифта.

– Вниз? – улыбается незнакомец.

– Вниз! – ещё один короткий выстрел в его сторону.

Короткого взгляда хватает ей, чтобы составить первое впечатление об этом человеке. Ему тридцать или около того лет, он в разводе, живёт один, в компании занимает не последнее место, скорее всего начальник отдела. То, что разведён видно по белому следу от кольца на безымянном пальце. Стрелки на брюках двоятся, а рубаша не свежая, это говорит о том, что он один. За ботинками всё же следит, они блестят как у кота яйца, да и сами ботинки дорогие. Уходит позже основной серой массы, значит не простой клерк.

Теперь она не успокоится, пока не подтвердит правильность сделанных выводов, но он первый приходит ей на помощь.

– Извините, а вы наш новый сотрудник? Раньше я вас здесь не видел...

– Да, я с сегодняшнего дня секретарь Алексея Фёдоровича.

– Мне очень приятно! Семён!

– Ева, – она склоняет голову, скромно улыбаясь.

Они выходят из открывшихся дверей лифта, но задерживаются перед турникетом. Знакомство ещё не закончено.

– А вы кем здесь работаете?

– Я... я начальник службы безопасности.

Как будто в подтверждение его слов, к ним подлетает здоровый, одетый в чёрную униформу охранник.

– Семён Владимирович, у нас две камеры накрылись, обе на третьем этаже.

– Подожди Кирилл, я сейчас... – он машет рукой, не глядя на подчинённого. Всё его внимание приковано к её зелёным магнитам.

– Ну что же, очень приятно было познакомиться – Ева протягивает ему руку, чувствует теплоту и мягкость широкой ладони.

Он должно быть сильный и добрый, хотя... так уж сложилось, что люди такого типа в жизни почти не попадаются. Тем они и ценнее; тем больше её тянет к этим условным, придуманным ей же самой людям. Но сколько бы раз ей не казалось, что ей повстречался именно такой редкий тип, столько же раз она горько разочаровывалась. Скорее всего, и в этот раз чуда тоже не произойдёт, но ей ещё предстоит это проверить.

Серебристый «Kia Rio» вяло выползает с парковки возле офиса и направляется к четырёхполосной магистрали улицы Ленина. Выехав на магистраль, «Киа» издаёт звериный рык, переходящий в жалобный стон, и, сделав несколько прыжков сопровождаемых свистом резины, начинает разбегаться. Ева давит на педаль до отказа, но машина тупит и не даёт привычного для неё ускорения.

– Что же ты такая вялая, как мондавошка! – она нервно дёргает рычаг скоростей, включая пятую; поперёк полос рвёт в крайний левый ряд, где подрезает «Тойоту Кэмри». Несколько протяжных гудков воют почти в унисон.

– Ага на хую у себя побибикай! – Она одевает тонированные зеркальные очки и прищпоривает захлёбывающуюся криком машину. По вечно забитому транспортом проспекту ей нужно проехать всего пять километров, где она свернёт на спокойную улицу Тимирязева. «Киа» виляет из стороны в сторону, проползая в самые немыслимые щели между машинами. Извилистая, как синусоида траектория пути серебристого седана сопровождается оркестром сигналов разного калибра. Она абсолютно невозмутима среди хаоса, который образуется сзади и вокруг неё. Лишь иногда, узрев периферийным зрением, что в поравнявшейся машине опускается окно и кто то там в темноте салона нервно машет руками

и видимо что-то орёт, пытаясь при помощи бранных слов воззвать к её целомудрию, она который раз произносит одну мантру – «Иди на хуй».

Она просто спешит и как всегда опаздывает. Ей просто нужно добраться из точки «А» в точку «Б» и сделать это по наикратчайшему расстоянию. Она не специально производит этот хаос, который бурлит за машиной как пенный след за катером. Ничего личного, просто «Идите все на хуй!».

Наконец она сворачивает на Тимирязева, пролетает один квартал и заезжает в небольшой дворик. Тупой лоб «Киа» упирается в элегантный приплюснутый зад «Мерса».

Ева хватается сумку, выпархивает из Киа и пересаживается в Мерседес.

Фуф! Наконец-то! Она утопает в мягком кожаном кресле и мычит от удовольствия. Умница и красавчик встречает её приятной мелодией, льющей из стереосистемы и, довольно мурча, выезжает из двора.

«Извини, дорогой, что я тебе изменила, но так надо. Теперь мне каждый день придётся с утра подъезжать к работе на этом серебристом уроде. Простая секретутка не может ездить на новейшем спортивном «Мерсе».

Снова знакомый свист колёс. Красная комета пульей пролетает по пустой улице, и в одно мгновение телепортирует хозяйку на небольшую парковку возле отеля «Оазис». Здесь ей нужно провести ещё одно перевоплощение.

Она нажимает кнопку сбоку сиденья, и оно с тихим урча-

нием отъезжает назад;

быстрыми, отточенными как у солдата движениями, снимает с себя блузку, скидывает брюки и на несколько секунд остаётся полностью обнажённой; берёт с заднего сидения аккуратно разложенное на нём бардовое платье и натягивает его на себя через голову. Дорогой шёлк мягко струится, облекая гладкую фигурку. Труднее всего застегнуть молнию на спине. Но это ей под силу, регулярные занятия китайской гимнастикой не пропали зря. Готово! Достает деревянные шпильки, распускает волосы. Лисий хвостик превращается в роскошные локоны.

Выскакивает из машины, тянется за сумкой. Её настораживает пробегающий по ягодицам холодок. Ах ты чёрт! Забыла подтянуть платье и теперь выставила напоказ все свои прелести. Расправляет платье, подтягивает его ниже; краем глаза замечает, что один прохожий так и застыл на тротуаре, открыв рот.

– Ну чё уставился, еблан?! Жопы голой не видел? Иди к жене, она покажет! – Орёт она грубым разбитным голосом. Она умеет вмиг воспламенить мужскую плоть. Она же может её моментально охладить.

Тимур уже ждёт её возле входа в огромный зал ресторана. Он заметно подновился и помолодел с момента их последней встречи. Лохматый неопрятный пучок бороды, превратился в аккуратный полумесяц, а длинные патлы постриже-

ны в каре. Монах отшельник перевоплотился в графа Атоса. Белая рубашка, белые джинсы, белые мокасины, в правой руке огромный букет белых роз.

– Привет! – Он протягивает Еве шикарный букет; тут же воспользовавшись занятыми руками, притягивает её к себе, целует в щёчку, как законный муж, или любовник.

– Привет! Шикарно выглядишь, – она улыбается и опускает букет, чтобы он был как можно дальше от лица. Она ненавидит цветы. От их запаха у неё аллергия. Она вообще ненавидит приторные запахи, поэтому никогда не пользуется духами. От нового кавалера просто разит древесным ароматом. Ну это ещё куда ни шло.

– Ты украла у меня комплимент! Хотя тебе он не подходит. Ты всегда шикарна!

В огромном зале роскошного ресторана, совсем немного столов и почти нет посетителей. Они следуют за лакеем в белом пиджаке, который указывает им на небольшой круглый стол в дальнем углу зала рядом с небольшой эстрадой. Тимур предупредительно отодвигает перед Евой массивный больше похожий на трон стул. Садится напротив. Белые сложенные пирамидкой тряпичные салфетки, белые тарелки, белая скатерть и белый Тимур, сидящий напротив.

«Тут явный перебор белых цветов. Не хватает только белого коня. Главное не ляпнуть с пьяну, а то за ним не заржавеет».

– Выбери! – Тимур протягивает ей меню заключённое в

массивную кожаную папку.

Она почти не глядя, пролистывает ламинированные страницы и откладывает папку в сторону.

– Ты что, уже определилась? – улыбается Тимур.

– Ну да!

– Обожаю решительных женщин, – он щёлкает пальцами, подзывая официанта.

– Будьте добры цыплёнка Парменьяно, Фунчозу и Джелато на десерт.

Официант быстро строчит в блокноте.

– Пить что будете?

– Шато Брандэ есть?

– Да, безусловно!

– Отлично, давайте бутылку.

Заказ Тимура гораздо проще. Он ограничивается кровавым стэйком, цезарем и бутылкой Джека Дэниэлса.

– Любишь итальянскую кухню? – спрашивает он, когда официант пропадает в полумраке пустынного зала.

– Не только итальянскую. Ещё китайскую, японскую, обожаю грузинскую, да и русской не брезгую. Вообще, я всеядна. Просто название ресторана «Сицилия», говорит о том, что итальянская кухня у них в приоритете.

Её тошнит от всех этих блюд с вычурными названиями. Ей осточертела ресторанная атмосфера, с этим подсвеченным свечами полумраком, угодливыми халдеями, противным звуком скрипки и очередным фраером, сидящим

напротив. Сколько этих ресторанов итальянских, французских, грузинских она уже перебрала. Сколько перепробовала этих вычурных блюд, элитных вин. Сейчас она бы съела чёрного хлеба с тонким пластиком, пахнущего чесноком сала; жирный кусочек селёдки, тот который ближе всего к голове, откусила бы от дымящейся варёной картофелины, держа её прямо в руке и намахнула бы стопку водки.

– У меня например с Сицилией другие ассоциации – улыбается Тимур.

– Понимаю, о чём ты говоришь, но сейчас, слава богу, не девяностые.

– Почему, «слава богу»? Для меня, например, девяностые были лучшим отрезком в жизни. Ты не думай, я не бандит, просто жизнь тогда была интереснее.

«Я не думаю, я знаю. Вижу тебя как облупленного, Тимурчик. Нет, ты не из беспредельщиков. Состоял в какой-нибудь серьёзной структуре на должности бригадира, или звеньевоего. Квадратный торс, бычья шея, шрам, разрывающий верхнюю губу, плохо замаскированный усиками; нестираемый след от большой печатки на толстом как сосиска пальце; манера речи, из которой выхолощены матерные и блатные словечки, так что теперь она как кастрированный бычок. Косвенных признаков вполне достаточно, чтобы тебя идентифицировать. А самый главный признак это твой возраст. В конце девяностых ты был на пике формы. Долю в фирме ты тоже заполучил в конце девяностых. Тебе просто грех жало-

ваться на эти годы».

– Нет, на бандита, даже бывшего, ты меньше всего походишь. Внешность слишком интеллигентная.

Он принимает комплимент как должное, не смотря на явный перебор с интеллигентной внешностью.

– На самом деле, всё это условности. В девяностые годы крутые парни, которые были на гребне волны, назывались бандитами. Сейчас такие же парни называются успешными бизнесменами...

«Не такие же, а те же самые парни» – мысленно поправляет Ева.

–...как тогда, так и сейчас идёт война, война за власть, за деньги, за собственность. Война никогда не прекращалась, только методы ведения войны изменились. Они стали более скрытными, изошрёнными, не видимые простому глазу обывателя. Все воюют со всеми, выбивая себе место под солнцем. Возьмём нашу фирму. Чтобы выжить в своё время приходилось копировать технологии, ассортимент конкурентов, постепенно отжимать себе долю рынка, не гнушаясь подкупками и подставами на высоком уровне. У нас это получилось лучше наших противников, поэтому сегодня мы победили. Но это не значит, что врагов совсем не стало, или их стало меньше...

«Да, и теперь самый главный враг находится внутри фирмы. Посмотрим, как вы сможете выстоять против такого рода агрессии. Вы ведь привыкли только отжимать и подкупать.

Здесь же понадобятся боевые навыки другого типа. Другой вид войск, которого в вашей армии до сих пор не было».

Официант принёс виски в графине и бутылку вина. Штопор, вкручиваемый в пробку, противно пискнул. Достав пробку, официант протянул её Еве, но она отмахнулась, мол, не надо этих помпезных церемоний.

Тонкое стекло пузатого бокала дзинькает, соприкоснувшись с притупленной гранью стакана.

– За встречу! – говорит Тимур, и в свойственной ему манере, выпивает полстакана одним махом.

– Насколько я поняла по началу разговора, наша встреча будет деловой? – говорит Ева, пригубив из бокала густой терпкой жидкости.

– Нет, нет! – Тимур выкидывает руки вперёд, словно рефери, который даёт знак боксёру, что бой окончен и теперь только обнимашки. – Никаких деловых разговоров. Это романтическое свидание. Извини за эту чушь про девяностые. Расскажи что-нибудь о себе...

Ему показалось, что он лишь моргнул. Открыв глаза, он понимает, что всё изменилось: в окно номера бьёт солнечный свет, а она уже выскользнула из постели и стоит перед зеркалом трюмо, натягивая платье. Бардовый шёлк облегает приподнятые груди и стекает по прямому желобку спины, притормаживая на идеальных овалах бёдер, с которых она двумя руками помогает ему спуститься вниз. Зачем, зачем

она прячет от него эту красоту, которой он любовался всю ночь, изучал каждый её сантиметр, пробовал на вкус, гладил, щупал, сжимал что есть силы своими крепкими руками.

Четыре раза за ночь. Такого не было с ним ещё с шестнадцати лет. За очередной пачкой презервативов пришлось спускаться в холл отеля. Он не рассчитывал, что одной обоймы патронов не хватит. Она долго играла с ним, уворачиваясь выскальзывая из его цепких пальцев, распалила его страсть, а потом раз за разом выжимала из него все соки. Она оказалась страстной рычащей львицей, извивающейся, стонущей, кричащей «Давай ещё!». Она не давала ослабнуть его главной мышце ни на секунду, и раз за разом после очередного выстрела взводила его ствол.

Ему была нужна всего одна минута, чтобы закрыть глаза и выдохнуть. Открыв глаза, он понимает, что выдох затянулся.

– Ты куда собралась? – спрашивает он, чувствуя, как ментально оживает член, за одну секунду вскакивая в боевую стойку.

– На работу. Уже восемь утра. – Она подкрашивает ресницы, чуть приоткрыв ротик.

Тимур перекачивается по огромному, как футбольное поле матрасу, хватает её сзади и борцовским приёмом через живот кидает на кровать.

– Тимур, я опоздаю!

– Ничего страшного, скажешь, в пробке стояла. – Он жадно хрипит, закатывая платье снизу наверх.

– Нет, Тимур, она выскальзывает из под него как уж и снова оказывается возле трюмо.

– Останься! Давай забьём на эту твою работу. Я компенсирую тебе этот день. – Он обхватывает её за талию, прижимает к себе. В отражении зеркала хрупкая женщина, как удавом обвитая огромными волосатыми руками.

– Тимур... Тимур, не начинай. – она водит плечами, пытаясь скинуть с себя тяжёлое ярмо его рук. – Ты же знаешь, насколько это важно. Это же нужно не только мне. Не забывай, что я на этой работе для того, чтобы помочь вам решить проблему.

– Да какую проблему? Мы и сами толком не понимаем, есть эта проблема реально, или она только в наших головах? – Он, наконец-то отлипает от неё, садится на край кровати и прикуривает сигарету.

– Если проблемы нет, то отлично. Я это быстро выясню. А если, всё-таки, есть? Ты представляешь, чем это может вам грозить?

– В этой жизни меня уже мало, что пугает. Я живу здесь и сейчас, а сейчас мне нужен только один человек. Это ты...

– В смысле! – щеточка замирает в сантиметре от ресницы. – Тимур, у тебя случайно крыша не съехала?

– Нет, я серьёзно. Как только увидел тебя там, в «Моцарте», сразу же понял, эта будет моей.

– Вот даже как? – она оборачивается, и Тимур замечает, что зелёные глаза уже не такие как ночью. В них нет того от-

решённого блеска. Теперь её взгляд холоден и сосредоточен.

– Тимур... Тимур Эрикович. Я дала согласие сотрудничать с вами и с вашим коллегой. Я уже получила хороший аванс. То, что я сейчас здесь уже является нарушением деловой этики и может повлиять на мою репутацию, которой я очень дорожу. Давайте с вами договоримся, что пока я буду на вас работать, мы больше не будем встречаться и вести подобные разговоры. – она забирает волосы в пучок на затылке и скрепляет их деревянными шпильками.

– Да ты чё Ева? Что с тобой случилось? Не бойся, Глеб ничего не узнает. Ладно, хочешь идти, иди, только пообещай, что мы скоро встретимся.

– Вы меня так и не поняли, Тимур Эрикович. – Она одевает туфельки. – Мы больше не будем встречаться в таком ключе, пока я у вас работаю.

– Нет, нет, подожди! – он ловит её у дверей, сгребает в охапку. – Я так не смогу. Я не смогу знать, что тебя трахает Лёша, или ещё какой-нибудь козёл с фирмы.

– Эта моя работа! – отвечает она спокойно и холодно. – Тимур Эрикович отпустите, мне нужно идти. Не забывайте, что не вы один заинтересованы в решении этого вопроса.

– Слушай, а со мной ты тоже работала сегодня ночью? Сегодня ты была на работе, или нет? – его глаза вдруг становятся розовыми. – Ты вообще, когда-нибудь возвращаешься с работы домой?

– Нет, сегодня я была не на работе, я проводила досуг,

так, как мне нравится. Жаль, что заканчивается этот досуг не очень хорошо, от этого и общее впечатление выйдет не очень.

Он отпускает тиски рук.

– Ладно, иди!

Направляясь по ковровой дорожке коридора к лифту, она слышит его крик:

– Я тебя никому не отдам! Так и знай!

Её нисколько не трогает эта фраза. Она криво ухмыляется и заходит в раздвигающиеся двери огромного лифта с зеркальными стенами. Сколько раз она слышала подобные слова в свой адрес? Точно не меньше ста. И где все эти люди, которые не собираются её отдавать? Она поправляет причёску, глядя одновременно в несколько зеркал, которые панорамой тиражируют её миниатюрную фигурку.

А ведь Тимур прав. Она и сегодня была на работе. Да, она не вернётся домой, пока работа не будет сделана. Вот и сейчас она поедет на очередную смену, которая возможно опять затянется до утра. Ей нужно снова переодеться в рабочую униформу, пересесть из немецкой кареты в корейскую тыкву и ехать в офис, где никто не должен заподозрить, что она провела бессонную ночь.

Это была обычная рутинная работа. Она работала, когда расстёгивала рубаху на Тимуре и нежно целовала его волосатую грудь опускаясь всё ниже. Она работала, когда страстно приводила его член в боевую готовность, когда орала, стона-

ла и извивалась под его стокилограммовой тушей. Она как обычно отыграла свою роль «по Станиславскому». Но спектакль закончен, и её партнёр по сцене остался там за кулисами. Да, она далеко не фригидная и довольно молодая баба, чтобы не испытывать от этого удовольствия. Но это удовольствие не сильнее, чем глоток ледяной «пина колады» в жару. Есть удовольствия на порядок сильнее этого.

6

Тимур берёт со столика початую бутылку виски, зубами выдёргивает из неё пробку и делает несколько глотков прямо из горлышка.

– Сука, что ты со мной делаешь! – шипит он, выдыхая эту фразу вместе со спиртовыми парами. – Никуда ты от меня не денешься.

Сейчас он поднимет на уши всех своих людей на фирме и ему будет известен каждый её шаг. Отрезвляющая мысль приходит на смену горячечной.

«Какие к чёрту свои люди! Я уже лет пять не появлялся на фирме. Все те, кого я знал, давно уже уволились, или забыли, что я есть на свете. Нужно будет потрудиться, чтобы снова восстановить связи. Не думал, что мне снова понадобятся связи внутри своей же конторы». Он делает ещё несколько глотков из бутылки.

Всех троих он встретил в бане, где и завязалось их знакомство, перешедшее в крепкую дружбу. Им нравилось, как он умело машет вениками, ему нравилось, как они складно чешут языками. Тим Садыков заведовал спортзалом, который находился на территории большого завода медицинских инструментов. Работа была не пыльная и вполне подходящая для бывшего спортсмена с погашенной судимостью. По боль-

шей части он должен был следить за сохранностью инвентаря, открывать и закрывать спортзал, когда это было необходимо. Но главной заботой из-за которой Тим стал знаменит и востребован в узких кругах стала для него местная баня. Он готовил парилку, заваривал душистые веники, которые сам заготавливал с лета; на деньги которые давало руководство, собирал нехитрый стол с закусью и выпивкой. Главная ценность Тима была в том, что он умел ловко управляться с вениками, заставляя довольно кряхтеть выдавших виды парильщиков. Ещё он хорошо делал массаж, в общем, в банных делах был человеком незаменимым. Несмотря на суровое прошлое он был добродушным и открытым парнем, легко сходился с людьми и очень скоро, после начала своей работы в бане сидел за общим столом с высшими чинами завода. В какое-то время Тим стал необходимым приложением к этому столу, где сидели распаренные и пьяные главные инженеры, энергетики, всякие там замы и, конечно же, сам директор. Длинный обаятельный весельчак Ванька Рогов изначально был в этой компании, так как числился начальником отдела сбыта.

Однажды, когда Тим отработал в бане уже больше года, за столом уставленным, соленьями, салом и бухлом, появились два молодых парня. Это были новые начальники снабженческого и планового отделов Глеб Семёнов и Алексей Самойлов. Парни вели себя очень скромно, и над ними подтрунивали бывалые, среди которых был Иван.

– Духи строиться! Шагом марш в парилку! – гудел он своим командирским басом, когда приходило очередное время париться. Парни понуро вставали и брели в парилку, вызывая усмешки старых дембелей. Оказалось, что они пришли на завод вместе. Приехали с Омска, где так же работали в большой производственной шараге, которая к этому времени успешно развалилась.

На очередной планёрке директор произнёс пламенную речь, в которой, кроме всего прочего говорил, что надо давать дорогу молодым. Последствия этой речи не заставили себя долго ждать. Два престарелых начальника отделов были уволены и вместо них поставлены молодые, только что прибывшие из Омска кадры. Причины этого решения были тогда понятны только самому директору и ещё узкому кругу лиц. Приближалось время большого распила, и на ключевые места нужно было ставить нужных людей, которые должны быть податливы, как пластилин в умелых руках. Глеб и Лёха не могли тогда знать больших планов, которые на них возлагались и скромно как два воробушка сидели в углу стола и клевали квашенную капустку, запивая её водкой.

Молодые кадры быстро освоились в новом коллективе. Уже через месяц они чувствовали себя за этим столом своими людьми. Глеб произносил красноречивые тосты, а Лёха славился похабными анекдотами, которых он знал уйму и выдавал всегда в тему. Руководство завода составляло в своей основе контингент пятьдесят плюс, поэтому парни были

намного моложе основного состава, что естественно создавало определённый барьер в общении с уважаемыми партийными бонзами. Но они нисколько не стеснялись этих престарелых догматиков, и очень часто давили их на поле дискуссий. Время партийцев безвозвратно уходило. Пришло время молодых да ранних, этих живых, словно прибывших с другой планеты пацанов, с другими взглядами на жизнь, более свободных и раскрепощённых. Они постоянно находились в центре внимания и все сидящие за этим столом, включая Тима, понимали, что парней ждёт стремительный взлёт в стенах этого завода. Только вот сам завод к тому времени дал трещину, и получалось так, что парни выиграли счастливый билет на «Титаник».

Завод являлся акционерным обществом, основная часть акций которого была распределена между тружениками. Акции были распределены так же неравномерно, как и все блага в этой жизни, большая часть которых достаётся небольшой кучке избранных людей. Директор и его родной брат отхватили крупные пакеты, порядка двадцати процентов каждый. Ещё один крупный пакет был у таинственного консультанта, резидента Германии, который появившись как чёрт из табакерки, нашёптывал директорам, как и что надо делать, чтобы захватить большую часть этих акций. Таким образом, на остальных трудящихся причиталось не более сорока процентов тех самых акций. Вот за эти сорок процентов и ве-

ли непримиримую борьбу два братца. Да, такое бывает. Им нужно было всего лишь объединиться, и у них в руках легко оказывался контрольный пакет. Не тут-то было: два единокровных брата, появившиеся из одного чрева с разницей в один год ненавидели друг друга до кончиков пальцев. Каждый из братьев мечтал прибрать блокирующий пакет в свои руки. Они пытались скупить акции у миноритариев, но пока каждому доставались лишь крохи.

Хозяева более-менее приличных пакетов были на заводе не последними людьми: ведущие инженеры, начальники больших цехов и отделов. Они были бы и рады продать свою долю за хорошие деньги. Но вся неприятность ситуации состояла в том, что нельзя продать акции одному брату, при этом, не обидев другого. Старший брат Семён Исаакович Шпильман был директором завода, а младший Александр Исаакович Шпильман числился главным инженером. Тот и другой вершили судьбы сотрудников завода, и впадать к ним в немилость было чревато последствиями.

Пока вступить в законные права владения заводом у братьев не получалось, они пытались откусить, пока ещё от ничейного куска, как можно больше. Методы воровства были зеркальными (что вы хотите, всё-таки братья). Они брали беспроцентные ссуды, выдёргивая из оборота многомиллионные средства. На эти деньги каждый брат построил себе по огромному дому. Коттеджи находились конечно же в одном посёлке, только на разных его концах. Прелесть беспроцент-

ной ссуды во время гиперинфляции состоит в том, что уже через год занятые средства дешевеют в сотни раз, так что и отдавать почти ничего не нужно. Взял на машину, вернул на пачку сигарет.

Кроме всего прочего, братья создали себе по фирме, которые как пиявки присосались к пока ещё полнокровному телу завода. Эти фирмы по себестоимости, да ещё и в рассрочку огромными партиями закупали у завода ходовой товар, а потом продавали его в три дорога. Большая часть продукции отгружалась на эти фирмы, поэтому работа у Ивана, который и заведовал этой отгрузкой, была не бей лежачего. Была у начальника службы сбыта ещё дополнительная обязанность, так сказать подработка, которую он спокойно выполнял в рабочее время. Он не только отгружал товар на эти фирмы, но ещё и занимался его реализацией непосредственно с фирм. То есть Ваня работал сразу на обе враждующие стороны и при этом получал от каждой неплохую компенсацию. И всё бы хорошо, но выпуск товарной продукции ограничен мощностями завода и трудность в работе Ивана заключалась в том, что он должен был соблюдать чёткий баланс, отгружая товара на одну фирму ровно столько же, сколько и на другую. Несоблюдение этого баланса, грозило тем, что гирилка с перевёрнутых весов упадёт Ване на темечко.

В какое-то время народ начал роптать. Народ, который с молодых ногтей работал с этими изворотливыми братьями, возмущался, что все блага стекаются в их широкие карманы.

Этот ропот становился всё громче и исходил от ближайших соратников.

Начальники планового и снабженческого отделов как то имели неосторожность порассуждать вслух, что себестоимость продукции давно не пересчитывалась. Что отгружают, мол её за капейки, да ещё и в определённые фирмы, чай у нас рыночная экономика и всё такое. По беспроводному сарафанному радио, которое работало тогда быстрее сотовой связи, суть разговора мгновенно передалась в высшие кабинеты. Братья, осознав нависшую над ними угрозу, на время объединились. Решение было несложным. Неудобных начальников пенсионного возраста нужно просто заменить. Этим решением братья пытались убить двух зайцев: избавиться от неудобных завистников и болтунов; поставить на ключевые места карманных начальников. Молодые начальнички под чутким руководством матёрых наставников, должны были гнуть линию снижения отпускной цены и увеличения объёмов отгрузок.

Так и образовалось трио Ваня, Лёха, Глеб. Это трио исполняло один и тот же номер и всё под аккомпанемент братьев Шпильманов. Лёха как начальник отдела снабжения, искал дешёвые материалы, которые с открытием рынка хлынули из китайской республики, Глеб на своём уровне, делал минимальную наценку на конечный продукт, а Ванька грузил, грузил, грузил.

Был ещё один важный момент, который и стал ключевым

для Ваньки, Лёхи, Глеба, а в последствии и примкнувшего к ним Тимура. Создавая свою карманную фирму, младший Шпильман поступил неосмотрительно. Он конечно же не мог оформить фирму на себя, или ближайших родственников, имеющих такую же кричащую фамилию. Можно было отнестись к вопросу серьёзнее, как его брат, который, пораскинув мозгами, зарегистрировал фирму на тестя. Но Александр Исаакович не счёл нужным заморачиваться, да и тестя у него не было и не могло быть. Пятидесятипятилетний Александр был молодожёном, и детей в своём новом браке пока не нажил. В общем, размышлял он не долго и решил оформить фирму на первого, кто попадётся под руку. Первым попался Алексей, новый молодой и перспективный работник. «Почему бы и нет? Его особо никто не знает и копать в его сторону вряд ли будут.» – наверное, так думал матёрый главный инженер, глядя на молодого очкастого паренька, который заскочил к нему в кабинет с очередной портянкой. Удачно так заскочил.

Уговаривать парня долго не пришлось. Он оказался понятливым, да и обещанная ежемесячная компенсация тоже лишней не бывает. Александр Исаакович не стал привязывать доход зиц-председателя к прибыли, а просто назначил ему твёрдую ежемесячную таксу в размере пятидесяти тысяч рублей. Деньги невеликие, но парень с радостью согласился.

«Ну вот и решился вопрос – радостно потирал руки Шпильман младший, когда новоиспечённый директор ООО

«Олимп» пошатываясь от радости, долго искал ручку двери, чтобы выйти из кабинета, и уже там в коридоре, запрыгать от радости. Он, кстати, так и забыл подписать бумагу, ради которой пришёл, да и чёрт с ней, в корзину. В корзину все заводские проблемы, теперь у Алексея Фёдоровича поважнее заботы.

На счёт каких то прав собственности Шпильман даже не думал. «Олимп» должен был отработать года три – четыре, и, сделав своё дело, как тот мавр кануть в Лету.

Всё шло прекрасно до некоторых пор.

Страстное увлечение братьев разворовыванием народных достояний обошлось им боком. Они упустили момент, когда завод, видимо с подачи заморского акционера, попал в круг интересов одного московского банка. Москвичи создали фирму с романтическим названием «Парус». Фирма находилась через дорогу от завода и занималась тем, что скупала акции по цене в десять раз выше номинала. Благодаря искущённым в маркетинге гостям столицы, работники завода в рекордные сроки узнали о таком спросе и в считанные дни продали все свои акции. Начальники цехов и отделов, инженеры и рабочие наконец то поняли, что время Шпильманов скоро уйдёт, а они так и останутся у разбитого корыта. Теперь они без зазрения совести сливали акции московской фирме. Раньше все они боялись обидеть одного из братьев, а теперь решили навалить в карманы сразу обоим. Шпильма-

ны очнулись слишком поздно, когда «Парус» уже завладел более чем пятьюдесятью процентами акций. Ещё не все работники успели достать из заначки жёлтые гербовые листочки, чтобы продать их в три дорога добрым москвичам, а цена акций уже упала ниже плинтуса.

«Извините, больше не надо. И что, что час назад стоили по полтиннику, сейчас вообще нисколько не стоят. У нас уже есть пятьдесят плюс один, дальше уже перебор. Банкирское очко! Стоп игра!».

С этого момента настенные часики на проходной завода стали тикать в обратную сторону. На заводе появился ещё один руководитель Степан Иванович Блохин. Никто не знал, какую должность занимает этот довольно молодой одутловатый человек в золотых Роллексах, но все понимали, что это могильщик. Благо примеров с развалившимися заводами вокруг было уже тьма. Полетели головы, началось сокращение штатов, распродажа оборудования, срыв производственных планов, а как следствие государственных заказов. Задача москвичей была одна: в кратчайшие сроки обанкротить завод.

И снова братьям Шпильманам пришлось поневоле объединиться. Нужно было объединять пакеты и продавать их клятым Москалям, пока они хоть чего-то стоили. К их неожиданной радости большую долю выкупили за довольно приличную сумму, точный номинал которой история умалчивает. Поделив куш, братья снова разошлись по разным уг-

лам ринга. Как это ни парадоксально, но они остались в своих должностях даже после продажи доли. Московские банкиры не хотели замораживаться управлением. Они уже не видели большого завода, с тридцатипятилетней историей, который некогда гремел на весь Советский Союз. Вместо этих неказистых корпусов из красного кирпича они видели аккуратные павильоны торгово-развлекательного центра. Им было до лампочки, что бескорыстные братья, понимая, что их дни сочтены, будут растаскивать активы с ещё большим рвением. Сдача в аренду торговых площадей в самом центре города даст гораздо больше прибыли, чем эти шприцы и, как там их, катетеры.

Завод сдувался, как проколотый воздушный шарик. Один за одним закрывались цеха, сокращались объёмы производства и номенклатура, постепенно утекали лучшие кадры. Оборудование в лучшем случае продавалось или вовсе уходило на металлолом.

Карманной фирме, обороты которой упали до нуля, оставалось жить считанные месяцы. Сам Лёха, так же как Глеб и Ванька был в шаге от сокращения с завода. Перспектива работы продавцами в палатке, парней видимо не устраивала и они начали активно фантазировать на счёт того, чего бы такого замутить, во время совместных посиделок в бане. Тимур был свидетелем этих многочасовых мозговых штурмов, проводимых за липким от пролитого пива столом. На одном из таких штурмов Лёха поделился спустившимся на

него озарением.

– Пацаны, я вот чё подумал. У нас есть фирма и счёт в банке. Почему бы это не использовать?

– Во первых не у нас а у Шпильмана... во-вторых, как ты предлагаешь использовать чужую фирму? – спросил скептик Глеб.

– Да Шпильману она до лампочки сейчас, они с братаном уже оборудование пилят. А мы могли так же наладить торговлю не только заводской продукцией, а вообще.

– Чем ты собираешься торговать? – мычал Ванька впиваясь зубами в тугую плоть вяленой воблы.

– Для начала хотя бы медицинскими товарами. Мы же с вами знаем ассортимент. Будем брать у других заводов, или оптовиков и перепродавать. Складские помещения огромные, торгуй не хочу.

– Дружище, позволь тебе задать один вопрос, как бизнесмен бизнесмену. – Ванька положил свою здоровую лапу на сухое с выпирающей костью плечико Лёхи. – Чтобы товар был интересен покупателям его нужно продавать по цене не выше рыночной. Соответственно, чтобы иметь хоть какую-то прибыль нужно закупать товар ниже рыночной стоимости. Найти товар не проблема, вот только чтобы купить его ниже рынка, нужно брать крупным оптом. У бизнесменов, (к коим мы себя причисляем) есть такое понятие «оборотный капитал». А теперь внимание вопрос: где ты возьмёшь этот оборотный капитал?

– Ну-у...здесь надо подумать! – Лёха вытирал простыней запотевшие линзы очков под раскатистый Ванькин хохот. Глеб как то горько улыбался, а Тим так и оставался серьёзным не понимая причины веселья. У пацанов жизнь идёт под откос, а они ржут как кони. Лёха хотя бы что-то дельное предложил.

– Думай, директор, а то твоего оборотного капитала пока не хватает, чтобы на бутылку коньяка скинуться. Может вступишь в долю на этот раз? – продолжал глумиться Иван.

– Я не пью, Ванька, и вам с Глебкой не советую, а то мозги пропёте. Это пока весь капитал, который у нас есть.

– Слушай, Лёха, только вот не надо прикрывать своё хилое здоровье силой воли. – Ванька шутил незлобно, продолжая трепать плечо друга. – Слушай Тим, займи пару косарей на конину, а то у меня жена в последнее время всё из карманов выгребает. – Повернулся он уже к Тимуру.

– Я у Шпильмана займу! – вдруг сказал Лёха.

– Чё...на конину? – Ваня глупо улыбнулся.

– На товар, Ваня! А на счёт мозгов, я бы на твоём месте проверился. Утечка капитала уже на лицо! – Теперь уже Лёха шлёпнул маленькой ладошкой по необъятному плечу друга.

– Дружище, а у тебя случайно температуры нет? – рука Ваньки уже потянулась ко лбу друга, но её остановил низкий голос Глеба.

– Хорошая мысль! У Шпильмана бабок куры не клюют, тем более он фактически хозяин фирмы. Положит бобла на

счёт, а мы будем его крутить. Доля с прибыли ему.

– Доля? Ха-ха-ха! – да он всё себе забирать будет, а нам будет оставаться только на сигареты. – Иван махнул здоровой ручищей.

– Пусть даже так. У нас будет хоть какая-то работа, а дальше время покажет. – Разгорелся Лёха, воспламенённый своей же идеей.

Тимур смотрел на парней и завидовал им. Они умели думать, у них были знания и институты за плечами и не было тяжёлого, тянущего на дно прошлого. Они красавчики и будущее за такими, как они. Тимур уже пару лет как соскочил с лихого паровоза девяностых, пытаюсь по максимуму оградить себя от старых знакомых, которым удалось выжить. Сейчас он мечтал запрыгнуть в другой поезд с чистыми простынями, позолоченными подстаканниками и фигуристой, одетой в униформу проводницей. Только эти пацаны могли продать ему билеты на этот поезд, но пока он был им полезен только в качестве банщика.

Шпильману младшему понравилась Лёхина идея, тем более, что мёртвых средств у него было полно. Он ввалил на счёт фирмы двести миллионов, предупредив Лёху, что тот будет отвечать пятой точкой за каждую копейку. Условия были следующие: десять процентов прибыли, плюс зарплата новым сотрудникам фирмы.

Все трое тут же уволились с завода, и с головой ринулись

в преумножение доверенного им капитала. Лёха вступил в полноценные полномочия генерального директора, Ванька слямзил клиентскую базу и заслужил себе пост коммерческого директора, а Глеб, который в качестве взноса в благосостояние фирмы переманил десяток рабочих и нарезал дизельный погрузчик, стал главным снабженцем. Работа закипела, когда в дело вступили молодые, жадные до денег и славы волки. Уже через полгода молодые фирмачи крутанули двести лямов Шпильмана и наварили на них аж двадцать процентов. Александр Исаакович довольно потирал руки. Фирма получила вторую жизнь, будет у него хоть какая-то подушка безопасности, задел на пенсию. Иногда он задумывался о реоформлении фирмы на себя, но всё руки не доходили. На заводе пока было много дел, ещё не растащили всё имущество, да и склака очередная с братом получилась, не могли поделить станочный парк, который давече списали в металлолом, а сами перегнали на рембазу, откуда успешно торговали. Так что фирма «Олимп» пока ещё была только одной из многочисленных спиц в колесе бурной деятельности вечно воротилы.

Дела на фирме шли в гору, появлялись жирные клиенты, завязывались партнёрские отношения с поставщиками. Ассортимент постоянно расширялся, благодаря неумолимому Алексею. Молодые фирмачи стали покупать себе дорогие шмотки, и даже машины. Глеб и Ванька купили себе по новенькой десятке, а Лёха подержанную «Volvo S80». Маши-

ны правда взяли пока в кредит (друзья ещё не зарабатывали настолько много). Новый статус не позволял им топтать тротуары наряду с простыми смертными.

Спортзал москвичи закрыли, и оставшийся без работы Тимур, однажды постучался в двери «Олимпа».

– Дружище, я бы и рад тебе помочь, но даже не представляю, куда тебя пристроить. – Лёха пожимал плечами, которые были нереально увеличены подкладками несуразного серого пиджака. Молодой директор, развалившись в кожаном кресле, крутил между пальцев ручку и виновато поглядывал на Тимура.

– Понимаешь, Тим, фирма ещё молодая и все люди здесь отработывают свой хлеб. Как бы тебе объяснить...нет здесь тёплых местечек.

– Да я понимаю, ну хоть куда-нибудь приткните, на любую работу согласен.

Позднее Тимур пожалел о своих словах. Он не думал, что выражение «любая работа» будет воспринято Лёхой так буквально. Во всяком случае, он никак не думал, что ему в итоге предложат работать грузчиком. Ну что ж, за базар нужно отвечать. Он целыми днями ворочал коробки, складывая их на паллеты, которые загружались в машины погрузчиком, а вечером мучился от болей в руках и спине. Не смотря, на то, что он был бывшим спортсменом, физическая работа давалась ему тяжело. Он уже начал подумывать, а не вернуться

ли ему к старому промыслу, собрать пацанов, найти тему. Только пацанов то особо не соберёшь. Все разъехались по тюрьмам да по кладбищам, да и время уже не то.

Тимур сжимал зубы и выходил на очередную смену, смирившись с мыслью, что ему до конца жизни придётся ворочать коробки. Он не знал, что его время уже на подходе.

Время Тимура зашло в ворота фирмы одновременно с двумя бритыми мужичками в кожаных куртках. Оно громко стуча растоптанными кроссовками поднялось по железной лестнице на антресоли склада, где находился главный офис фирмы, и пинком ноги расхабарило деревянную подпружиненную дверь.

– Кто тут главный!

Лёха и Глеб, который в это время, что-то ему объяснял, склонившись над столом, разом обернулись к дверям.

Бритоголовые визитёры в кожаных и широких слаксах вальяжно подкатили к директорскому столу.

– Вы по к-какому вопросу – сорвавшимся голосом спросил Алексей. Глядя на расписанные синими перстнями пальцы одного из гостей, он ощутил неприятный холодок, пробежавший по спине.

– Здорова! – синие по очереди жёстко и коротко пожали руку Алексею. – Как звать?

– Алексей... Алексей Фёдорович...

– Да ладно не выёбывайся, Лёха, тут все свои. – Глаза у говорившего парня с синими перстнями были стеклянные,

и Лёха понял, что они оба под марафетом. – Кореш только с зоны откинулся, мы сегодня гуляем. – Отморозок ткнул кулаком в плечо товарища.

Лёха оценивал ситуацию. С чем бы сейчас не пожаловали эти двое, ничего хорошего их визит не сулит. Глеб так и замер возле стола и в этот момент мечтал стать просто невидимкой.

– Контора я вижу живая, лове рекой течёт...а как на счёт поделиться?

Лёха смотрел на двух покачивающихся в разные стороны неадекватов и ощущал свою полную беспомощность. Он рос в малообеспеченной, но приличной семье и был домашним ребёнком. Всё его детство и юность прошли за зубрением теорем, изучением формул, сдачей курсовых и дипломных. Его обходили стороной кровавые дворовые разборки, и сейчас он чувствовал себя человеком, который попал в клетку к тиграм.

– Я тут ничего не решаю...у фирмы другой хозяин...да и налички у нас нет.

– Эй! Чё то я не въехал, ты братве лове зажал или чё? – агрессивно выпалил беззубым ртом второй. – Ты, сука, у нас на районе бизнес мутишь...

– Да я же не отказываюсь, просто налички сейчас нет... – жалобно лепетал Лёха, но отморозков явно не интересовал безналичный расчёт.

– Короче, думай давай. – Первый посмотрел на синее за-

пьястье, на котором могли быть разве что наколотые часы. – У тебя пять минут, чтобы достать лове. Если не найдёшь, я твою тачилу заберу. Понял? – он вдруг достал из куртки нож-бабочку и стал ловко крутить её между синих пальцев.

«Что делать? Может хрен с ней с тачкой? Жизнь то дороже – Лёха понимал, что времени думать нет, перед ним звери, которые не успокоятся, пока им не кинешь кусок мяса.

Никто не поможет! Глеб – его крутой друган Глеб, при виде ножа навалил в штаны и замер возле стенки, мол «я в домике». От Ваньки в таких делах тоже не много толку, да и нет его. Нужно милицию вызывать».

– Не вздумай мусоров вызвать. Мы тебя на куски порежем, пока они до нас доберутся. – отморозок словно читал его мысли.

«Что же делать? Что делать?»

Вдруг в его голове ясно прозвучало одно имя. Подсознание выдало один возможный вариант.

Тимур!

– Глеб, крикни Тимура! – вдруг уверенно сказал он подчинённому.

Глеб на ватных ногах пошёл мимо отморозков к выходу.

– Стоять!

Глеб замер на месте.

– Ты куда, блядь намылился? Я тебя не отпускал! – завизжал второй, подбежал к Глебу и грубо схватил его за отворот свитера.

– Так он сейчас бухгалтера позовёт, ключи от сейфа у него. – жалобно пробормотал Лёха.

– Только попробуй наебать. Почикерю...

Отпущенный Глеб выскочил за двери на металлическую площадку лестницы.

– Тимур! – заорал он, – Зайди сюда!

Азиат, суетящийся возле поддона с коробками, поднял квадратное лицо и махнул рукой.

– Сейчас придёт! – робко сказал Глеб, вернувшись в кабинет.

– И сколько там бобла? – Отморозок с бабочкой подошёл к старому небольшому сейфу и смотрел на него, как баран на новые ворота.

– Это только бухгалтер знает, вон он поднимается.

Металлическая лестница завибрировала от стука тяжёлых шагов.

В дверях появился большой парень в синей робе с добродушным лицом. Он улыбался, не понимая, что происходит.

– Тимур... парням помочь надо, они с зоны откинулись. Выдай им наличку, всю, которая есть. – Осмелевшим голосом протараторил Лёха.

– Ага сейчас! – Большой татарин, как мясник, приступающий к рутинной, но знакомой работе, вяло крутил головой, оглядывая кабинет. Он сразу понял, что от него требуется и моментально оценил обстановку. Опасен тот парень, который сейчас за спиной у Лёхи. У него в руке нож. Тим

неуловимым движением, взял за ножку деревянный табурет, стоявший сбоку у двери и, коротко размахнувшись, швырнул им в сторону противоположной стены. Угол массивной сидухи зарядил аккурат в бритую голову. Отморозок упал навзничь, словно сражённый крупнокалиберной пулей. Во время полёта он ударился головой о толстую броню сейфа и теперь лежал, не подавая признаков жизни.

– Э-э-э ты чё творишь... – беспомощно лепетал второй, когда Тим ленивой походкой направлялся к нему. Мясник двумя руками обхватил сопротивляющуюся тушку, с хрустом вывихнул ей лапку, от чего она жалобно заскулила. Одной рукой он поднял лапку вверх, тем самым создавая рычаг управления, второй схватил тушку за ремень. Осталось чуть надавить на рычаг и дёрнуть за ремень, чтобы тушка пришла в движение и превратилась в таран, который с гулким стуком ударил в стену.

– Ой бя... – Отморозок стекал по стене медленно, как сморчок.

– Чё происходит? – спросил Тимур, добродушное выражение лица которого ни капельки не омрачилось.

– Вот, пришли, бабки требуют. Говорят мы на их территории. – Лёха ещё не отошёл от шока, и его голова едва показывалась над столом.

Тимур взял за шкурку отморозка, лежащего возле сейфа и как половую тряпку, выкинул его в центр кабинета. Тот очнулся и пытался встать, но ноги у него подкашивались, как

у оленёнка, только что вылезшего из материнской утробы. Второй тоже поднимался, держась за стену.

– Ты чё делаешь-то? Мы по хорошему пришли на общак денег попросить, а ты бакланишь. Это не по понятиям. Бри-тоголовый растерянно крутил разбитой башкой.

– Так я вам уже выдал денег. Ещё надо? – улыбающийся Тим пожал плечами и тут же исполнил красивую вертушку, которой вернул лысого на старое место возле сейфа.

– Тебе тоже добавить? – спросил он у второго, но тот, закрываясь руками, как от урагана уже пятился к дверям.

– Друга своего не забудь. – Тимур тащил второго за ремень, как чемодан.

Он выволок их за дверь и короткими пинками отправил одного за другим кубарем скатываться по лестнице.

– Пока пацаны! Когда бабки кончатся, приходите ещё! – он приветливо махал с антресолей ковыляющим прочь братам, которые спешили быстрее покинуть страшное место. Вот уж кому не поздоровилось попасть в клетку со львом.

С той же скоростью, с какой отморозки слетели с железной лестницы, Тимур вознёсся по лестнице карьерной.

Уже на следующий день Лёха назначил его начальником отдела безопасности. Не беда, что пока никакого отдела не было, всему своё время. У Ваньки ещё тоже не было коммерческой службы, которой он должен был управлять. По факту, непосредственные подчинённые были пока только у Гле-

ба и Лёхи.

Небольшой перекося в сторону управленческих кадров в структуре фирмы нисколько не сказывался на её работе. Молодая, ещё не зазнавшаяся и не знающая страха контора стремительно летела по волнам пост кризисной экономики, в то время как многие тяжеловесы один за другим уходили под воду. Лёха и Глеб съездили в Китай, где прокатились по десятку заводов, изучая номенклатуру цены и менталитет восточных дельцов. Итогом их поездки стало то, что контора стала заниматься импортом товара напрямую из Китая. Появились трудности и проблемы с таможенной и валютным контролем, пришлось нанимать компетентных людей и принимать в постоянный штат юриста. Затраты этого проекта были высокие и его рентабельность стремилась к нулю. Но Лёха чувствовал, что здесь есть перспектива. Вообще Лёха любил ввязываться в новые авантюры, и был очень лёгок на подъём. Не смотря на жаркие споры с Ванькой, он настаивал на том, чтобы наценка на товар была минимальной пять десять процентов. Он делал ставку на увеличение оборотов и узнаваемость в своих кругах. Его стратегия оказалась эффективной и уже скоро фирма «Олимп» стала известна среди торговцев медицинскими материалами на всей территории СНГ.

Шпильман был горд успехами своей фирмы, но парням пока не мешал и в дело не лез. Приезжал он тоже редко, не

чаще раза в квартал, когда приходила пора снимать сливки в виде дивидендов.

Никто из близких дальновидного Александра Исааковича не знал, что у того есть в загашнике фирмочка. Не какая-то вшивая шарага, как у брата Сёмы, а крупная приносящая прибыль контора. Он имел резон скрывать этот актив от брата, с которым встречался только в суде. В последнее время они подали друг на друга аж по пять исков (они всё делали зеркально, братья всё-таки). Природа этих исков была одна – ненависть. А вот поводы для исков были разные, благо, что долго искать их не приходилось. Оба были прожжёнными махинаторами и поочередно подавая иски, друг на друга просто сливали свои многочисленные схемы, чем вскоре заинтересовали фискальные органы. Только когда братьев вызвали в суд в качестве ответчиков по делу о неуплате налогов, они наконец-то оказались на одной скамейке. Но даже в этом случае, они находились на противоположных краях этой скамейки.

В общем, была у Шпильмана младшего веская причина скрывать от брата свою причастность к «Олимпу». Почему скрывал от жены? Да потому, что просто перестал верить этой блондинке, которая была моложе его аж на двадцать лет. Маленькая ложь порождает большое недоверие. Быстро стёртая СМС-ка, спрятанный за спиной телефон, красные щёки. Все эти косвенные признаки говорили о том, что же не больше верить нельзя. И главный признак: раньше моло-

дая супруга умела поднимать его, часто дающий сбои орган, буквально из пепла, а вот в последнее время, это у неё перестало получаться. Она, конечно, обвиняла его, мол остыл и всё такое, но прозорливый Александр Исаакович узрел, что дело в ней. Она просто перестала стараться и раньше времени расслабилась, чего в случае со Шпильманом младшим делать нельзя. Теперь развод для Александра Исааковича был лишь вопросом времени. Он умел ждать, но не умел прощать. В своих мечтах он уже представлял выпученные глаза этой лживой блондинки и Сёмки, когда они узнают о том, что «Олимп» принадлежит ему. Они узнают обо всём, когда будет поздно для них самих.

– А вы знаете, что «Олимп» по факту, контора Шпильмана?

– Какого Шпильмана?

– Ну разумеется не Сёмки, тот завод в руины превратил...

Такие диалоги предвкушал Александр Исаакович, глядя из тонированного окна своей «Тойоты РАФ-4» на огромный баннер с названием конторы и эмблемой в виде белого пёрышка, непонятно какой птицы.

«Всё-таки молодцы ребята. Кто бы мог подумать, что они так контору раскрутят? Как бы ни было дальше, всех оставлю работать и никого из них не обижу» – мечтательно улыбался он, откинувшись на спинку сидения.

Случилось так, что долго идущим планам Александра Исааковича было сбыться не суждено. Не получилось отсу-

дить у брата несколько зданий и участок земли; не получилось развестись с женой, оставив её с голой жопой; не получилось оформить на себя фирму под названием «Олимп». Нет, он не ошибался в своих расчётах и вёл правильную стратегию. Он не учёл лишь одной детали, которая перечеркнула всё разом. Маленький кусочек свинца диаметром около шести миллиметров, впился ему под лопатку, когда он, выйдя из машины, пытался закрыть внезапно заклинившие жалюзи в своём гараже. Шпильман вскрикнул, развернулся и сделал три шага в направлении леса, с которым граничил его участок.

– Ах вы бляди такие, я вам щас задам – заорал он, тряся кулаком, под которым болтались золотые часы «Сэйко». Наверное, он думал, что это происки соседских пацанов, которые бегали здесь с рогатками, стреляя из них в белок и заплутавших кошек.

Ошибочная догадка Шпильмана оказалась последней в его жизни, как и три коротких шага, которые он успел сделать. Его ноги подкосились, и он плавно осел на осыпавшиеся с сосен иголки, рядом с колесом своей «Тойоты RAV 4».

Шпильман скончался ещё до приезда скорой. Установленной причиной смерти стало огнестрельное ранение в сердце. По горячим следам следствие выяснило, что стреляли из мелкашки с расстояния восьмидесяти метров. Выбор исполнителями оружия оказался довольно странным. Малопулька довольно ненадёжный для таких дел инструмент. Стало

быть, заказчики решили сэкономить и наняли дилетанта, хотя сам выстрел был блестящим, несмотря на то, что производился с близкого расстояния. Это всё, что удалось выяснить по горячим следам. Это вообще всё, что удалось выяснить нашей доблестной милиции. Дальше, как всегда были только догадки и предположения. Кому выгодно? Да всем вокруг. В первую очередь брату и жене, которая по рассказам многочисленных знакомых четы, не слишком заморачивалась с верностью. В круг подозрения второго порядка попали все те, с кем Александр Исаакович имел деловые контакты. Среди них проще было найти тех, кто не желал смерти Шпильману младшему и не имел, хоть какого-то мотива. Кому то он был должен, кого-то кинул, с кем-то не поделился. Словом у дознавателей была масса работы. Только эта работа была так же бесполезна, как копать с утра яму, а к вечеру её закапывать. Словом, солдат спит, служба идёт. Основной подозреваемый Шпильман старший, обложился адвокатами, которые рвали глотки, доказывая непричастность своего клиента. К супруге подобраться тоже не получилось. Официально они были в браке, жили душа в душу, всё остальное только домыслы и наговоры завистников. Дело росло, передавалось как эстафетная палочка от следака к следаку, но через три года безуспешной работы так и было приостановлено за невозможностью установления лиц, причастных к убийству.

Топ менеджмент «Олимпа» был слегка шокирован ново-

стью о смерти биологического родителя фирмы. Шок был недолгим и уже скоро сменился неприкрытой радостью. Смерть Шпильмана стала для всех просто подарком судьбы. Лёха теперь стал полноправным хозяином фирмы. Дядька, который мог прийти в любой момент, взять его за шкуру и выкинуть как котёнка с директорского кресла, приказал долго жить. Была конечно опасность, что Шпильман оставил, какие-то документы, или записи, подтверждающие, что фирма фактически принадлежала ему. Хотя, какие могут быть записи? У Алексея есть документ с гербовой печатью, а остальными бумажками можно просто утереться.

– Ну чё теперь делать будем? – спросил Иван на первом же состоявшемся после смерти Шпильмана совещании.

– То же, что и делали раньше. Александр Исаакович был хорошим человеком, но жизнь продолжается. Ваня, похороны послезавтра. Ты поищи хороший венок подороже, подпиши, «От друзей». И вдове нужно будет тыщ сто передать. Только сделай это инкогнито, ты понимаешь почему.

Вот так вот всё и ограничилось, одним веночком. Эх, поскрипел бы зубами Александр Исаакович, если б смог.

Уже на следующем заседании Лёха сделал немислимый по своей щедрости ход. Он объявил, что передаёт Глебу сорок, а Ивану пятнадцать процентов акций фирмы. И это было не всё. Тимур чуть не упал со стула, когда узнал, что становится владельцем пяти процентов акций «Олимпа».

Лёха сразу же пояснил друзьям, принцип, по которому по-

делил фирму. Они с Глебом являлись идейными вдохновителями, поэтому отхватили львиные доли. Парни не должны обижаться, ведь им вообще могло ничего не достаться, если бы не добрый нрав и щедрость Лёхи. А они и не обижались. Дарёному коню в зубы не смотрят.

Иван сгонял в магазин за ящиком шампанского, и они гудели прямо там, в кабинете до самого утра. Они делились грандиозными планами, орали песни, так что их слышал весь квартал, а под утро вызвали проститутку. Теперь они все были директорами, и каждый хотел примерить на себя шкуру босса. Для этого надо было разложить шкуру на столе, задрать её ноги в чулках себе на плечи и примерять примерять примерять. Они старались до самого утра, примеряя и так и эдак, переворачивая, насаживая сверху на себя, меняясь шкурами друг с другом. А потом, когда проститутки уехали, валялись кто на столе, а кто прямо на полу среди бутылок измождённые уставшие дымили в потолок.

Тимуру вспомнилась эта ночь. Тогда он подпоз к Лёхе, который лежал голышом на столе, свесив ноги вниз. Он обнял его и слёзно признался ему в любви и в том, что никогда не забудет то, что он для него сделал.

– Тимур, ты меня главное не трахни сейчас! – сказал Лёха, и все засмеялись.

В квадратной комнате стоит полумрак. Окно плотно замуровано автоматическими жалюзи. Слабый жёлтый свет дают лишь два ночных светильника расположенные по углам. Из мебели только небольшой угловой диван и компьютерный столик с ноутбуком. По жёлтому ламинату разбросаны квадратные листочки. Одни из них плотно исписаны мелкими каракулями, на других, рукой неумелого художника нарисованы корявые портреты. Рисунки по уровню тянут на творчество первоклассника и понятны только их автору. Листочки разбросаны по всему периметру пола, словно кто-то, собирая пазл, не нашёл нужной части и в сердцах разметал свой многочасовой труд по полу. В центре комнаты находится что-то, похожее на гипсовую статую. Глядя на нелепую позу статуи можно подумать, что она изъята из контекста какой-то композиции. Чего-то в ней не хватает, кроме одежды. Тонкие, согнутые в локтях руки, словно обхватывают что-то большое и круглое, то ли это должен быть шар, то ли мраморная колонна, то ли ствол большого дерева. Идеально вылепленные гладкие ноги тоже расставлены в стороны, ступни с идеальным педикюром расположены параллельно друг другу, небольшие груди с выпуклыми пирамидками сосков, словно упругие мышцы держатся параллельно полу; плоский живот разделён идеально прямой бороздкой. Единственное,

что оживляет эту скульптуру, это рыжие волосы, заколотые торчащими крест на крест деревянными шпильками.

Красивая статуя, от которой невозможно отвести взгляд. Насторожившаяся, замершая перед броском кобра.

Она может часами находиться в этой странной позе, но в этот раз, уже через пятнадцать минут выходит из неё, делает несколько вращательных движений сначала кистями, потом стопами ног, затем садится на пол, скрестив ноги. Нет времени, нужно продолжать работать.

Эта квартира, находящаяся в спальном районе города, её бункер. Здесь она собирает силы и думает. Сюда не должно проникать ничто извне. Пока она здесь живёт, нога ни одного постороннего человека не переступит порога этой квартиры. А посторонние здесь все. Они лишь объекты. Сейчас эти объекты в виде белых квадратиков разбросаны по полу.

Продолговатый овал с пририсованным крючком носа и скобкой рта – это Тимур. Скобка повёрнута вниз, смайлик всегда грустный. Он страдает от безответной любви и теперь мешает работать, доставая своими звонками и сообщениями. Объяснения, что смайлик своими домогательствами ставит под удар всё дело, перестали действовать. Теперь приходится уговаривать и обещать скорую встречу в недалёком будущем. Грустный смайлик постепенно сходит с ума. Вчера он припёрся прямо к офису. Может быть, он думал, что серебристый «Cadillac XT» может затеряться среди других машин, припаркованных на противоположной стороне дороги,

но она заметила его сразу же, как только открыла дверь, выходя из здания офиса. Наверное, тайный пассажир, находящийся за тонированными окнами Кадиллака, хотел застать её выходящей под ручку с Алексеем. Если бы это даже было и так, чего бы он добился? Алексей, опознав его, сразу же бы врубился, что к чему. Но в этот раз она была одна, хотя это вопрос только времени. Он не вышел из машины и даже не опустил окно. Наверное, просто наблюдал, как она подворачивает юбку, садясь в неудобный маленький салон Киа. Преследовать он её тоже не стал, хотя не факт, что при всём классе машины у него бы это получилось. Он просто хотел лишний раз посмотреть на неё; убедиться, что она существует на самом деле; что она не плод его воображения, явившийся к нему в пьяном угаре. Еве хватило ночи с Тимуром, чтобы получить от него то, что ей было необходимо на данном этапе. Теперь ей надо двигаться дальше.

На следующем листике что-то вроде сухой ветки. Диму Иванова она изобразила в виде чёрточки с пририсованными к ней отростками. Длинный как жердь и бледный как штука-турка Дима, конечно, не привлекает её белёсыми, как у варёного карася глазами. Она пускает в эти глаза свои зелёные стрелы, потому что ей нужно узнать всю изнаночную сторону бизнес-процессов протекающих на фирме. А кто это может знать лучше коммерческого директора? Сейчас она кокетливо заигрывает с ним, принимая смешные подарки в виде маленьких плюшевых зайчиков и медвежат, дорогих ликёров

и шоколадных конфет. Её глаза загораются каждый раз, когда она берёт из рук Димы очередную безделушку, словно и правда рада этому подарку.

– Ой, как это мило! – очередной медвежонок, или барсучок, кочует в ящик стола, где его ждёт целый зоопарк состоящий из этих плюшевых недозверей.

«Господи! Он не забыл, какой сейчас век? В следующий раз духи «Красная Москва» притаранит» – Кокетливо улыбаясь, она бежит по нему взглядом сверху вниз. Зелёные лучи сканируют узкое лицо, опускаются по длинному одетому в синий, похожий на школьный пиджачок туловищу, на секунду останавливаются на оттопыренной ширинке, а потом снова бегут вверх. Она чувствует, как вслед за её взглядом, словно борозды за катером, по его телу бегут мурашки. На бледных щеках коммерсанта появляются два розовых пятна.

– Ева, а вы сегодня вечером что делаете? – спрашивает он внезапно просевшим голосом.

«Ну нет, это уже перебор. До наших с тобою встреч дело не дойдёт. С тебя хватит виртуального минета. Но пока я буду дарить тебе надежду».

– Дима, сегодня и в ближайшие дни я ужасно занята. Ко мне родственница из Москвы приехала и вообще много бытовых вопросов...

– Жалко...я просто хотел пригласить вас куда-нибудь... посидеть.

– Спасибо Дима! Мне тоже очень жаль! – она делает вид,

что ей на самом деле жалко пропустить свидание. – Ты извини, мне тут нужно письмо допечатать! – она виновато улыбается и переводит взгляд на монитор.

«Всё вали! На сегодня аудиенция закончена. Следующий сеанс завтра, перед планёркой». Ярко красные коготки цокают по клавиатуре со скоростью сыплющегося града. Дозу необходимой от Димы информации она уже получила за три пятиминутки проведённые в курилке.

Чёрный перевёрнутый треугольник с маленьким кругляшком сверху это Саша. Рисунок похож на символ, которым обычно обозначают мужской туалет. Нет, главный снабженец Саша Ивлев, вовсе не вызывает у неё никаких ассоциаций связанных с туалетом, просто в нём всё такое же правильное, как в этих геометрических фигурах. Саша, в отличие от блудливого Димы, холостой. Он относится к такому типу мужчин, которые ждут, когда все принцессы этого мира кинутся ему на шею. Таким нужно ждать до пятидесяти, чтобы понять, что на самом деле никому, больше, чем им самим они не интересны и не нужны. Саша прождал уже до тридцати пяти. Он симпатичен, метросексуален, одет с иголочки, шьёт костюмы на заказ, на голове носит кок как у Элвиса. Еве он чем-то напоминает куклу Кена. Саша закрыт и найти прореху в его броне довольно сложно. Но, как говорится, чем сложнее пациент, тем интересней. Она бы не ценилась так на своём рынке, если бы не могла решать самые сложные задачи такого рода.

Саша не курит, и он один из немногих, кто появляется перед утренней планёркой в приёмной раньше всех. Все остальные проводят предварительную планёрку, дымя в курилке. Ева курит, только за компанию и в тех случаях, когда это нужно для дела. В этих массовых перекурах перед планёркой она предпочитает не участвовать. Во-первых – это может броситься в глаза, всё-таки они начальники, а она секретарша. Во-вторых – это как раз тот момент, когда она может попробовать разговорить Сашу.

– Саш, можешь подойти?

Саша робко идёт через всю приёмную к её столу, клацая по паркету лакированными «Carlo Pazzolini».

– Смотри, я тут один интернет-магазин нашла. Всё вроде брэндовое, последние коллекции и цены на тридцать процентов дешевле. Сейчас сумку себе ищу, так там сумка «Labbra» всего семь тыщ. – Она разворачивает к Саше прямоугольный монитор, в центре которого изображение красной сумки с позолоченными ручками. – Я вот подумала, ты вроде парень со вкусом, одеваешься, что надо, и пахнет от тебя хорошо... В общем ты здесь единственный с кем я могу посоветоваться. Алина и Светлана не в счёт. Ты же видел, как они одеваются? – Зелёные лучи выжигают маленькие Сашины глазки, и он вынужден постоянно опускать их вниз.

– Хорошая сумка, думаю, тебе подойдёт. – Только и может сказать он.

– Знаю, что хорошая. Меня магазин смущает. Как ты ду-

маешь, цена актуальная, или это кидалово?

– Нет! Это крупный стоковый магазин. Всё реально, я сам там часто заказываю. – Саша наконец-то оживился, поняв, что его экспертное мнение кому-то пригодилось.

– Класс! Тогда буду брать! Спасибо тебе, Саш... – Мягкая улыбка испускает волны обаяния, а зелёные лучики становятся максимально тёплыми.

– У меня к тебе просьба!

Его зрачки расширяются, как у наркомана. Сердце молотит так, что пуговицы на чёрной сорочке вот-вот с треском вылетят. «Саша, будь моим мужчиной» – наверное эти слова звучат сейчас в его голове.

– Можешь мне дать номер Watsapp? Я просто фанатка всякого там шопинга, а ты мог бы мне в чём-то помочь.

– Да к-конечно! – Саша зачем то уставился в телефон, будто не знает своего номера. Восемь...девятьсот двадцать пять...

Красный ноготок вбивает цифры в клеточки на экране телефона.

– Спасибо, Саш! А то я вижу, ты такой скромный парень, даже как-то неловко нарушать твоё личное пространство.

– Что ты, Ева! Это не так! Пиши и обращайся в любое время!

Вот сейчас створки раковины открылись, осталось только припасть к ним губами и высосать оттуда сладковатую мягкую плоть моллюска.

В коридоре слышится гвалт и шум множества шагов. Дружный коллектив возвращается из курилки.

– Спасибо, Саш! – Она улыбается и бросает взгляд на дверь.

«Сядь на место, чтобы не было лишних разговоров» – красноречиво вещает её виноватая улыбка.

Всё оказалось проще простого. Маленький невербальный канальчик, соединяющий её и главного снабженца теперь у неё в телефоне. Через этот канал она вытянет из него всю интересующую её информацию.

Ещё на одной бумажке изображено что то вроде помидора, с торчащим вверх кривым отростком. Помидор обладает огромными овальными глазами, маленьким, обозначенным короткой чёрточкой ротиком и совсем не имеет носа. Вместо зрачков в каждом глазе по символу, обозначающему доллар.

Синьор Помидор это зам по финансам Сергей Бурунов. Этот краснощёкий, пухлый зазнайка тридцати лет, похоже болен звёздной болезнью. Всё что ей пока известно это то, что его перекупили на какой-то фирме и то, что он отучился за границей в престижном ВУЗе. С такими работниками возятся как с малыми детьми. Потакают каждой прихоти и капризу щекастого карапуза, который в любой момент может застучать ногами по полу и заорать в истерике «Хочу двойной окла-ад! Не дадите, буду искать других родителей!». Сложность с финином состоит в том, что обычные методы, которыми она привыкла пользоваться, на него не по-

действуют. Дело в том, что Сергея не интересуют женщины. Нет, он не гомик. Он женат и имеет двоих детей. Верный муж? Может быть. Только разве верный и любящий муж будет допоздна просиживать на работе, а по пятницам бухать до утра со своим дружкой Димкой, закрывшись с ним в кабинете. Дело тут совсем не в половой ориентации и не в верности. Голова пухлого финика забита цифрами. В его мозгах происходят постоянные вычислительные процессы, там подсчитывается рентабельность, вычисляются варианты увеличения маржи и уменьшения затрат. В его речи постоянно есть много точных цифр, и он всегда что-то с чем-то сравнивает. В голове, донельзя натрамбованной цифрами нет ни малейшего места для таких пустяков, как флирт. В этом случае, чтобы войти, нужно стучаться не в сердце, а в голову. Чтобы залезть в это вместилище цифр, графиков и формул нужно знать пароль. С помощью пароля она вскроет черепную коробку и заберётся в его мозг. Никакие взломанные файлы, или электронные базы не сравнятся с ценностью той информации, которая находится под лысеющим квадратным черепом Серёжи.

Пароль это вопрос времени. Она соберёт его из кусочков информации полученных от Димы и Саши. Не зря же она прокладывала к ним эти маленькие каналы, через которые вскоре потекут ручейки информации.

Глеба она изобразила в виде квадратных очков в очень толстой оправе. Вместо линз в очках два огромных знака во-

проса. Этот человек, который, по сути, является её работодателем, пока ей не совсем понятен. А нужно ли ей его понимать? Нужно ли гвоздю понимать принцип действия молотка, который забивает его в доску? Задача гвоздя быть настолько острым, чтобы пробить вязкий слой древесины и достаточно длинным, чтобы скрепить две доски между собой. Но Ева не гвоздь. Она не бездушный инструмент, не рядовой исполнитель, который за большие деньги выполняет любую предложенную работу. Гвоздь не может проделать той объёмной аналитической работы и добиться нужного результата в короткое время. Гвоздь не умеет думать. Он действует стандартно. Все её методы не являются стандартными. Да и профессия у неё мягко сказать не стандартная. И до Глеба она обязательно доберётся. Она узнает, что скрывается под этими толстыми очками.

Алексея она изобразила в виде члена. Не то, чтобы она думает о его члене, но всё-таки Фрейду надо отдавать должное. Вообще все рисунки она придумывает в одну секунду. Они рождаются сами, когда она подносит маркер к очередному листику. Уже потом, она задумывается, почему этот помидор, а тот очки, и всему находится объяснение. В этих рисунках чётко выражены и черты характера, внешность, привычки и устремления объекта. Изображая человека в виде простейшей схемы, она ищет самый простой путь подхода, ключ. Главное понять принцип действия этой схемы и то, как она взаимодействует с другими подобными схемами. Только

изучив все эти маленькие схемы, и расставив их по местам, она сможет увидеть и понять, как устроена большая и сложная.

Почему член? Наверное, потому, что для неё это символ мужества. Это сила, это ось, вокруг которой всё вращается. Он абсолютно непривлекателен внешне. Сухощавый, маленький, близорукий человек больше похож на пресловутого ботаника. Но Ева умеет видеть людей, как никто другой. С первой встречи взглядами она ощутила исходящую от него мощную энергетику, и ей захотелось ощутить в кулаке эту твёрдую бугристую мышцу, которую он из себя представлял. Алексей это человек паровоз. Без сомнения он тянет на себе всю эту фирму. Ценой его трудолюбия и концентрации «Олимп» до сих пор держится на плову. В первую очередь ей нужно разобраться в истоках его конфликта с Глебом и Тимуром. Раз они не посвятили товарища, что внедряют в фирму ищейку, значит в первую очередь подозревают его. Пока она не видит никакого резона разваливать фирму, у человека, который её уже двадцать лет выстраивает по кирпичику собственными руками. Ну ничего, скоро всё прояснится. Она берёт бумажку с членом, и подымает её на уровень глаз.

– Ну вот и настал твой черёд!

Он умеет ждать, когда это необходимо. В большинстве случаев, цель, которую ты очень сильно желаешь заполучить, сама плывёт тебе в руки. Нужно лишь сидеть и спокойно смотреть на поплавок. Эта новая секретарша, как раз тот случай. Он игнорирует её уже целую неделю. Их общение ограничивается сухими служебными заданиями, которые он чаще всего отдаёт ей через селектор. К себе он её почти не вызывает, даже когда она приносит кофе, он сосредоточенно тарашится в монитор компьютера, или тут же начинает набирать кого-то в телефоне. Она сама навязала ему эту игру, и он играет точно по правилам. Навязчивые мысли о ней глушит работой, благо её всегда навалом. Внешне ничего не поменялось и он всё так же занят управлением огромной машиной. Единственное, что появилось в его голове вместе с этой рыжухой это постоянный фон. Не было ни одного часа в сутках или минуты в часе, чтобы он не думал о ней.

Вот и сейчас, когда она в очередной раз заносит в кабинет поднос с чашкой кофе, он подавляет в себе желание, посмотреть на неё хоть краешком глаза. Он крутит колёсиком мышки, пытаясь сосредоточиться на цифрах сметы.

«Оконные блоки, по пять тысяч каждый...хмм...не дороговато? По-моему, в прошлый раз была другая цифра». – Он водит курсором по большому экрану, пытаясь найти среди

множества жёлтых папочек нужною.

Бац!

– Ой!

Звук бьющегося стекла и звон скачущей по паркету лощечки, заставляют его оторвать взгляд от монитора.

– Извините, Алексей Фёдорович! Я вашу чашку разбила. – Виновато улыбаясь, как провинившаяся школьница, она присаживается на корточки и начинает складывать на поднос мелкие кусочки фарфора. Он заморожено смотрит, как тонкие пальчики с длинным маникюром проворно собирают стёкла. Рыжий хвостик лежит на плече, которое оголилось под свободной белой блузкой. Чёрная юбка задралась, обнажив глянцевые фигурные колени. Такая маленькая и доступная, такая невинная, как школьница. Теперь он уже не может отвести от неё глаз.

Алексей встаёт, обходит широкий стол и оказывается возле неё. Она поднимает голову и смотрит на него снизу вверх. На тонких губах школьницы игривая усмешка, в глазах вопрос – «Ну что, так и будешь стоять?».

Он берёт её за маленькие острые локти и поднимает вверх. Теперь их лица в считанных сантиметрах друг от друга. Он пожирает её взглядом. Так смотрит лев на окровавленную плоть только что убитой лани. Она хочет что-то сказать, но он впивается в её губы. Она не отстраняется и отвечает, играя языком у него во рту. Он хватает её за бёдра и сжимает так, словно хочет выжать весь до капельки сок из налитых

спелостью фруктов; прижимает к столу, задирает юбку, водя жадной рукой по гляncу бёдер. Рука ползёт выше, и кончики его пальцев погружаются во что-то влажное и горячее. Его крайняя плоть мгновенно откликается на эту горячую влагу и теперь стремится вырваться из своего плена, разорвав пуговицы на ширинке. Он подхватывает её за бёдра и усаживает на стол, продолжая жадно целовать. Трясущиеся в горячке руки скользят по ногам, рвут блузку, хватают и гладят круглые налитые соком груди. Он опускает голову и лижет её упругие соски, а она издаёт низкий стон, от которого он вот-вот взорвётся. Скрип открывающейся двери. Кто-то зашёл.

– Выйди во-он! – орёт он не оборачиваясь и снова припадает к этим волшебным плодам. Его нос утыкается в ложбинку между грудей. Он что есть силы вдыхает этот запах, запах женщины и чувствует, что ещё немного и потеряет сознание. Она откликается на каждое его движение, извиваясь в его крепких объятиях. Она словно бывалая танцовщица, помогает раскрепоститься неумелому грубому партнёру. Она помогает ему решить проблемы с ширинкой и своей рукой вводит в себя его раскалённый агрегат. Он вжимается в неё что есть силы и замирает, боясь пошевелиться. Но всё уже случилось. Сладкая волна током спускается сверху позвоночника и находит выход в самом его низу. Он стонет, его ягодицы сводит судорогой, а горячая струя толчками брызжет куда то вглубь раскалённого лона. Наверное, он на секунду потерял сознание. Когда дымка рассеивается, перед его глаза-

ми возникает тёмно красная вся в мелких пупырышках пирамидка её соска. Агрегат, словно разрядом тока снова приводится в боевую готовность, и теперь он готов работать по-настоящему. Он размашисто качает бёдрами, вжимая её тело в столешницу. Лоток с бумагами с грохотом падает на пол. Бухгалтерские отчёты, ведомости, сметы, заявления, приказы, всё это веером рассыпается по паркету. Её голова лежит прямо на клавиатуре ноутбука. С каждым его движением личико, запутанное в рыжих волосах издаёт томный стон и на экране появляется множество символов. Он ускоряет темп, её вздохи становятся чаще, с задранной на плечо ножки спадает туфель. Её стоны отражаются от стен полупустого кабинета, проникают в приёмную, а оттуда уже в коридор, где гремят гулким эхом. Сейчас работа всех офисов на этаже парализована. Как можно продолжать работать, когда сбрендивший директор пялит секретаршу у себя в кабинете прямо в разгар рабочего дня. Отвисшая челюсть бедного Димы Иванова вот-вот упадёт на стол, а Саша Ивлев неосознанно черкается на страничке блокнота. Стержень шариковой ручки прорезает одну за другой страницы, и уже через минуту, Саша поймёт, что его рабочий блокнот с нужными контактами и телефонами безвозвратно испорчен. Теперь у незадавшихся кавалеров надолго опустятся руки, зато ещё долго при одной мысли о рыжем хвостике и зелёных глазах будет подниматься кое-что другое.

Несколько финальных рывков и он снова утыкается носом

в розовый сосок. Где то, за её головой слышится непонятный шум, а потом раздаётся грохот. Массивный ноутбук падает на пол, и его крышка отлетает в сторону. Напряжение копившееся целую неделю, спадает; шарик постепенно сдувается. Обмякший и потяжелевший он лежит, вдавливая её хрупкое тело в дубовую столешницу, и сопит, уткнувшись носом ей в шею.

– Вы меня сейчас раздавите, Алексей Фёдорович. – Она кряхтит, пытаюсь выползти из-под придавившего её тела.

Он наконец то приходит в себя, сползает вниз, садится на пол, облокотившись спиной на ножку стола.

Она приподнимается и остаётся сидеть на столе. Её свисающая со стола ножка оказывается в сантиметре от его лица. Он обхватывает ладонью миниатюрную щиколотку и прижимает её к своей щеке. Какое-то время оба молчат. Там снаружи звенящая тишина. Там ещё продолжают прислушиваться, не понимая, что спектакль окончен и пора переходить к бурным овациям.

– Есть сигарета? – спрашивает он, продолжая сжимать её ногу.

– Только там, в приёмной. Вы же не курите?

– Может хватит уже? Мне кажется, что теперь можно перейти на «ты». – Его голос уставший, вялый, как у шахтёра, который неделю провёл в забое. – Ева, там в верхнем ящике стола лежит коробка с сигарами. Ты бы не могла...

Она ложится на стол, переворачивается на живот, тянется

к ящику, который находится с противоположной стороны и достаёт оттуда жестяную коробку.

– Эта?

– Да, спасибо! – Он достаёт из коробки сигару и позолоченные щипчики, заправски отрезает кончик, долго раскуривает еле помещающийся во рту рулон из листьев от бензиновой зажигалки. Густой белый дым окутывает его лицо и поднимается вверх.

– Будешь?

– Не-ет! – смеётся она, – не мой размер...

Он смотрит на неё снизу вверх и чувствует накатывающую волну возбуждения. Рука ползёт от щиколотки вверх по голени, направляется к бедру.

– Алексей, хватит! Смотри, какой разгром мы здесь устроили. Надо прибрать.

Он стаскивает её со стола, усаживает на колени, крепко прижимает к себе.

– Обожаю, когда от мужчины пахнет табаком! – она трётся носиком о его щетинистый подбородок.

– Пойдём куда-нибудь, пообедаем?

Она разворачивает позолоченный браслет, находящийся у него на запястье и смотрит на огромный квадратный циферблат золотых «Rado».

– Уже три часа. Тут ближе к ужину...

– Какая разница! Пообедаем, заодно и поужинаем. Из меня сегодня всё равно работник так себе.

– А на кого мы всё это оставим?

– Ты о чём? – из его рта вылетает белое облачко.

– Я о том, как фирма может остаться без управления, посреди рабочего дня.

– Пусть уже привыкают к самостоятельности, чай не детишки.

– Да уж, здесь и правда атмосфера как в детском саду. Всё держится на одном воспитателе, хотя вокруг одни директора и замы.

– Ага, вокруг одни начальники, плюс ещё два учредителя. Все умные, все знают, что и как нужно делать, только вот почему то ничего не делают.

– Может они просто расслабились? – Она водит острым коготком вокруг ямочки на его подбородке.

– Это я их расслабил. Знаешь почему?

Она пожимает плечами, словно не понимая, как можно сознательно расслаблять сотрудников, которым платишь деньги из своего кармана.

– Я хочу лично управлять всеми процессами на фирме, вникать во все дела, которые здесь происходят. Для меня здесь не должно быть тёмных пятен.

– Ты никому не доверяешь?

– Нет! Не то, чтобы это было моей жизненной позицией. Просто это правило, которым я руководствуюсь на этой работе. Оно помогает мне всегда быть в тонусе. В этой фирме вся моя жизнь, и мне нравится самому находиться у штур-

вала. Это не даёт мне стареть.

– Да уж, ты ещё любому молодому фору дашь... – она нежно целует его в шею и поднимается. Ковыляет на одном каблуке, словно пьяная. Под столом находит потерянную туфельку, натягивает её на ногу, поднимает с пола треснувший лоток, начинает собирать в него бумаги.

Такого с ним ещё не было. Даже в молодости; даже во время самых бурных романов. Тогда он удивлял своих бесчисленных подружек своей ненасытностью, сейчас он удивляется сам себе. Это просто наваждение. Его агрегат встаёт в положение «Старт», когда он не то что видит, а просто думает о ней. Ночь, проведённая в номере отеля, полностью измотала его, выжала как лимон. Его, но не его орган, который вдруг решил стать независимым. Он бы и рад был провалиться в сон, но не тут-то было. Одно её прикосновение и всё начинается сначала. И она оказалась такой же ненасытной. До самого утра её накал не понизился ни на один градус. Её стоны и крики слышал не только весь отель, но и часть улицы, на которую выходило распахнутое окно номера.

К утру огромная кровать напоминает поле боя. Одеяло бесформенной грудой валяется на полу, простынь превратилась в скомканную тряпку, а в центре постели лежат в неестественных позах два измождённых воина, которые бились всю ночь.

– Ты просто зверь! – она кусает его в плечо.

– А ты дикая кошка! – он прижимает к себе это хрупкое тело, каждый сантиметр которого теперь ему известен; вдыхает запах её тела, ставший родным. Этот едва уловимый запах он отличит среди миллиона других запахов. Это не искусственный аромат духов. Это запах настоящей женщины, запах секса.

Его неутомимый орган снова начинает напрягаться и упирается ей в бедро.

– Алексей Фёдорович, уже восемь утра, а нам ещё до офиса час ехать. Вы не боитесь опоздать на работу? – шепчет она, водя коготком по его рельефному плечу.

– Во-первых, перестань называть меня по имени отчеству; во-вторых, у нас сегодня выходной; и в-третьих, я хочу жрать, как волк. Сейчас закажем сюда завтрак.

– И ты оставишь свой корабль без рулевого? Кто же будет стоять за штурвалом?

– У меня вообще-то официальный зам есть. Всё я заболел. Меня ни для кого нет. Сегодня я есть только для тебя...

Он позвонил в ресторан и заказал бутылку «Дом Периньон», мороженого с клубникой, кофе и круассанов. Потом позвонил Диме, ошарашив его новостью, что сегодня, а возможно и завтра тот будет полноценным директором.

– Все звонки и контакты я перевожу на тебя... а что ты думал? Я тебя просто так главным замом сделал, за красивые глаза? Давай не ной, а сосредоточься и займись своими обязанностями.... Справишься...Ничего страшного проведёшь

планёрку сам, задачи всем ясны... На столе лежит красный блокнот, там расписаны все встречи и звонки. Иди прямо по списку... Что не нашёл? Ах да... – он вдруг вспоминает, что безупречный порядок, в котором он старался содержать рабочее место, был внезапно нарушен. Они конечно всё собрали и сгребли в кучу, и всё таки перед их уходом стол выглядел так, словно на него упала бомба. – Ну поищи, он где-то там, под бумагами. Блядь! Дима, ты что дальтоник? Красного цвета, я сказал. Нашёл? Вот и отлично, работай по этому списку... Если захочет общаться лично, переноси встречу... Дима, ну что ты как маленький? Хватит ныть. Да, никогда такого не было; да в первый раз... Дима, всё когда то бывает в первый раз. Соберись уже... Что? Грипп, ОРЗ, ангина... откуда я знаю? Всё, Дима, мне некогда, отключаюсь...

Он звонит ещё в несколько мест и отменяет встречи, ссылаясь на то, что заболел, пишет жене смс-ку, что улетел в срочную командировку, затем отключает телефон.

– Всё, сегодня я доступен только для тебя! – Он словно в тёплый бассейн ныряет в кровать, чтобы быстрее сжать со всех сил это мягкое, глянцевое тело, заплести эти ноги, вокруг своих бёдер, уткнуться носом в маленькую упругую грудь и дышать этим сладким запахом.

Ну должно же это было когда-нибудь случиться. Может быть, он подсознательно давно ждал чего-то такого, что сможет вырвать его из этого беличьего колеса и наконец-то пол-

ностью расслабиться и насладиться настоящим моментом. Это «что-то» случилось! Сегодня он будет валяться на кровати, пить шампанское прямо из горла бутылки, курить в номере отеля, не смотря на запрет и слизывать мороженное с вожденного тела. Это не просто идеальное тело, в нём есть душа, которую он хочет разглядеть, попробовать её на вкус.

Конечно, все будут в шоке. Было, конечно всякое, но такого фокуса Алексей Фёдорович ещё не исполнял. Все сотрудники фирмы прекрасно знают, что директор самодур, трудоголик и ненасытный трахальщик. Но чтобы вот так вот в одночасье выпасть из рабочего процесса? И из-за кого? Казалось, ни одна титулованная королева красоты не сможет отвлечь его от любимого дела.

Сейчас для всех этих слепых котят настанут страшные испытания. В первый раз «Олимп» будет работать без директора. А что? Это даже интересно, сможет ли это колесо, вдруг соскочившее со своей оси, хоть куда-нибудь да прикатиться?

Отдых нужен, просто необходим, ведь в последнее время он совсем забыл, что это такое. Стоит его мозгам хоть чуточку утратить собранность, они начинают блуждать, бродить по закоулкам памяти, копаться в прошлом, задумываться о будущем. Но стоит ему подумать о будущем, тут же перед глазами встаёт образ весёлого здоровяка Ваньки. Вот, кто никогда не заморачивался на счёт своего будущего. Он был уверен, что в будущем всё будет в порядке. Может и было бы, только вот будущего не случилось.

Но сегодня он не хочет думать ни о прошлом, ни о фирме, ни о нелепой смерти Ваньки.

Это случилось двадцать пятого декабря на охотничьей заимке. Вчетвером они теперь собирались всего раз в год именно в этом месте, чтобы подвести итоги года, ну и, конечно же, хорошо их отметить. Вчетвером означало только то, что все должны были быть без жён. Обычно же количество человек было в два раза больше, и вторую половину, как правило, составляли проститутки, или прочие женщины с заниженной социальной планкой. Заимка была снабжена небольшим, но тёплым и уютным домиком о двух этажах и роскошной русской банькой. Эта баня являлась сердцем охотничьего уголья. Друзья ездили в заимку конечно же не убивать беззащитных зверьков, а париться, пить и трахать баб. Стрелять, конечно, стреляли, но большей частью по бутылкам. В тот вечер всё проходило по тому же отработанному сценарию, что и раньше. Сначала была стрельба по бутылкам, с фуршетом на свежем морозном воздухе. Как только на лесную поляну начали ложиться синие сумерки, фуршет переместился в дом и перерос в шумную пьянку. Девчонки уже прибыли и были все как на подбор высокие, колоритные, грудастые. Все как одна хохлушки, шумные, весёлые, темпераментные. Отборных девчонок поставлял прикормленный Ванькой сутенёр. Иван был ещё тот шлюхолюб.

Друзья веселились, соревновались в остроумии, напере-

бой произнося длинные тосты и рассказывая похабные анекдоты; напивались, пялились на заводных хохлушек в предвкушении горячей ночи. Потом, как и водится по традиции все пошли в баню, которая включала в себя просторную парилку и большой предбанник с дубовой простецкой мебелью. Кроме длинного стола и тяжёлых табуретов в углу предбанника находился диван, который служил пристанищем внезапно отяжелевшим от бухла и пара, а так же дополнительным уголком для любовных утех. Бассейна не было. Алексей, принимавший активное участие в проектировании бани, посчитал кошунством и упадничеством делать в ней бассейн.

«Какой бассейн? Зимой в сугроб или в прорубь, летом в речку голой жопой. В городе будем в бассейнах плавать.» – Сказал он вычёркивая жирным маркером очередную графу из сметы. Позднее, друзья только благодарили Лёху за такое решение. Нырять в огромный воздушный сугроб и чувствовать, как шипит твоё раскалённое тело, было одним из самых великих удовольствий.

В тот день парились дольше, чем обычно. До одури хлестали вениками визжащих хохлушек, бесконечно выбегали охладиться в сугроб, делали короткие паузы, чтобы выпить вискаря и полирнуть его пивом и бежали назад в парилку. Самым отчаянным парильщиком как всегда был Ванька. После хорошего подпития его было просто не вытащить из парилки. Бесполезно было тратить силы, со всех сторон в че-

тыре руки обхлёстывая его тело вениками. Всё равно инквизиторы покидали парилку, гораздо раньше, чем их жертва, которая ещё добрых пятнадцать минут ожесточённо долбила себя веником. Ванька, бывший спортсмен, баскетболист всегда парился, пил, рассказывал анекдоты и трахался, как в последний раз. В этот вечер ему удалось только три первых пункта. До четвёртого Ванька просто не дожил. Его долгое отсутствие обнаружили уже тогда, когда перебрались в дом и в полумраке пританцовывали с хохлушками под слюнявые ритмы попсы.

– А где наш Ваню? – кареглазая крашеная блондинка Олеся, похлопала по огромному плечу Тимура, который танцевал медляк с длинноногой брюнеткой по имени Соня.

– Это тебя надо спросить. Вы же с ним в бане вдвоём оставались.

– Нет! Я ушла, а он ещё остался! – Олеся пыталась перекричать очередную трель Меладзе.

– Так вы уже? – от широкой улыбки скулы Тимура почти закрыли узкие щели глаз.

– Какой уже, там жарко! Мне в духоте плохо становится, он сказал, чтобы я ждала его в доме.

– А ты чего? – недоумевающая, спросил Тимур.

– Ну я вот жду!

– Олеська, ты его так до утра прождёшь. Ты знаешь, что он из парилки без посторонней помощи не вылезит. Дуй в баню и тащи его сюда. – Отдав распоряжения одной проститутке,

Тимур сразу вернулся к нежным ухаживаниям за другой.

Вечеринка к тому времени подходила к следующему этапу. Её гости внезапно затихли и разбились по парам. Тимур со своей избранницей медленно качался под музыку в центре гостиной; Глеб что-то ласково шептал на ухо Снежане, прижимая её к подлокотнику дивана. Несмотря на то, что Глеб был немаленьким мужчиной, партнёрша была крупнее его раза в полтора, и со стороны могло показаться, что сынок рассказывает маме, как провёл день в школе. Лёха, как обычно был в своём репертуаре. Из спальни уже минут пятнадцать раздавались томные всхлипы его избранницы.

Плавную интимную атмосферу разорвал крик Олеси.

– Ребята! Там с Иваном что-то! Быстрее... помогите!

Тимур и Глеб, тут же кинулись к выходу. Лёха шурясь, застёгивая ширинку и матерясь покинул избу последним.

Иван лежал на спине, головой к выходу из парилки. Тимур, подбежавший к нему первым, потряс его за плечи и пару раз хлестнул по щекам. Поняв, что друг не прикалывается и не прикорнул спьяну в парилке, он пару раз, словно молотом ударил здоровым кулаком в обмякшую грудь. Ванька никак не реагировал на пощёчины и удары. Его лицо с открытым ртом изображало безмятежность сладко спящего человека.

– Глеб, срочно скорую! – прокричал Тимур, пытаясь серией коротких толчков сделать массаж сердца.

За пятнадцать минут, пока ехала скорая, друзья смени-

лись несколько раз, яростно пытаюсь завести заглохший мотор.

Спокойный как удав санитар скорой, пощупав пульс, и задав пару уточняющих вопросов, скучным голосом пробормотал в рацию.

– Серёж, вызывай труповозку и полицию. Адрес? Какой у вас адрес?

Вечеринка перестала быть весёлой и закончилась нервной суетой, матом Лёхи, воем баб и допросом невыспанного мента. Ваня же покинул вечеринку раньше времени и уехал с неё не на своей серебристой Infinity QX, а на угловатой коробочке прицепленной к Уазику.

Следователь не горел желанием углубляться в детали и копать в грязном белье перепивших бояр и их наложниц. Дело очевидное: чувак спьяну перегрелся в бане и схватил инфаркт. Экспертиза, конечно, ещё разберётся, но факт несчастного случая налицо.

Версия следователя подтвердилась к вечеру следующего дня. У Ваньки обнаружился обширный инфаркт. Кто бы мог подумать. Ведь этот здоровяк, который пил как конь и при этом регулярно играл в большой теннис, совсем не создавал впечатление сердечника.

Шок от потери товарища постепенно сменялся печалью, а вскоре вообще обещал сойти на нет. Но, к сожалению, смерть Вани имела долгие последствия. Ведь, кроме того,

что Ванька был добрым, весёлым неунывающим другом и собутыльником, он являлся ещё и соучредителем фирмы «Олимп».

Если бы вечно сонный следователь копнул чуть глубже, поинтересовавшись, какие общие интересы, кроме дружбы связывают этих людей, он конечно бы не спешил сходу захлопывать папку с этим делом. Ему бы не дало этого сделать профессиональное любопытство. У любого следака поднялась бы на холке шерсть, при известии, что тут замешан бизнес. Тогда в пытливой голове тут же возник бы вопрос : «А кому выгодна смерть Ивана Анатольевича Рогова как акционера общества?». Ответ на этот вопрос можно было получить буквально за несколько часов, покопавшись в реестре и изучив устав ООО «Олимп», и он был бы однозначным.

Всем трём оставшимся учредителям. Смерть акционера Рогова выгодна всем троим!

Дело в том, что в пункте 8.5.1. устава было ясно указано, что доли умерших участников общества не передаются по наследству. Это означает то, что наследнику будет выплачена действительная часть его доли. Следопыт, искушённый в экономических тонкостях, нашёл бы здесь подвох, ведь ему прекрасно известно, что стоимость доли при грамотном финансисте можно свести к сущим копейкам. К сожалению, или к счастью дело оказалось не у настоящего следопыта.

У Ивана была единственная дочь. Елена больше десяти

лет жила в Канаде, была матерью одиночкой и имела маленький типографский бизнес. К моменту вступления в право наследования ей выплатили действительную стоимость доли в размере восьми миллионов рублей. Пухлый финик Ванька конечно постарался, за что отхватил большую премию. Целых полгода он выёживался: открывал фирмы-помойки, переводя туда часть активов, уменьшал оборотку, в общем делал всё чтобы законной наследнице досталось гораздо меньше денег, чем положено. Жадность Лёши и усердие финика сыграли со всеми злую шутку. Елена осталась недовольной компенсацией и начала строчить иски в суды. Как коршуны на падаль на фирму стали слетаться проверки. Прокурорская, налоговая камеральная. Теперь друзьям очень часто приходилось коротать вечера на допросах и дознаваниях. Взращиваемое Алексеем дерево впервые за двадцать лет жалобно застонало и стало крениться на бок. К счастью он не ошибся в своём финике и пока, от всех проверок удавалось удачно отбиться.

Так случилось, что Елена вбила клин в многолетнюю дружбу. Когда тебя день через день допрашивают, невольно начинаешь верить, что являешься одним из фигурантов уголовного дела. Вместе с недоверием, росли подозрения и опасения. Самым обеспокоенным выглядел Глеб, который неоднократно прямо высказывался, что он видит в этой истории злой умысел. На одном из совещаний наэлектризованная атмосфера, которая с некоторых пор становилась всё насыщен-

ней при общении акционеров, дала первую вспышку.

– Хочешь сказать, что Ваньку убил кто-то из нас? Кто, по-твоему, я, или Тимур? Ну да, конечно ты думаешь на меня. Мне это выгодно больше всех! – сорвался Лёха, после того, как Глеб в очередной раз завёл свою пластинку о том, что что-то здесь не так. Лёха вдруг вспыхнул как порох, вскочил и начал орать так, что его было слышно даже в приёмной. – Только знаешь что, Глеб? Его смерть выгодна мне не больше, чем тебе. Твоя то доля тоже вырастет, а дела в твоих магазинах, я слышал, идут не очень.

Теперь уже из-за стола вскочил и Глеб.

– А разве я хоть раз сказал, что его убили? Я просто сказал, что мне не нравится всё, что происходит после смерти Ваньки. Ты спишь и видишь, чтобы подвинуть нас в прибыли и выжать из акционеров.

– Да я же вас и взял в эти акционеры. У тебя что, с памятью проблемы?

– Ты взял нас тогда, потому что без нас ни хрена бы не смог сделать. Тогда мы были тебе нужны. Ты прекрасно знал, что мы не будем долго терпеть того, что ты единственный хозяин фирмы, которая на халяву досталась всем нам!

– Во-первых: с чего ты взял, что фирма досталась мне на халяву; во-вторых: что значит «всем нам»? Всё было легально и я был единственным учредителем...

– Лёша, давай не будем! – Глеб выставил безымянный палец в предупреждающем жесте. – Ты же знаешь, к чему при-

ведёт этот разговор. Ты прекрасно знаешь, за что каждый из нас имеет эти доли. Ванька, за то, что нашёл ключевых клиентов, Тимур, за то, что помогал нам отбиваться от блатных, и свою долю я заслужил по праву. Я так же, как и ты участвовал в создании этой конторы. Кто виноват, что Шпильман записал её на тебя...

Тимур, который всё это время сидел с отвисшей челюстью, не веря, что это произносятся друг другу в глаза некогда лучшие друзья, наконец-то пришёл в себя. Он тоже вскочил из-за стола и встал между ними, словно рефери в боксёрском поединке.

– Парни, чё вы несёте? Вы хоть сами-то понимаете? У вас чё, крыши поносило? Ваньку не застрелили и не задушили. Он умер от инфаркта. Это доказано экспертизой и следствием. Что с вами происходит, парни? Вместо того, чтобы объединиться и подумать, как разобраться с этой дурой, вы срётесь друг с другом. Кстати, не так уж она и не права. Вы ей копейки заплатили. Добавьте, пока не поздно и весь этот сыр-бор прекратится.

– Добавить?! – Вся злость Лёхи теперь переместилась на Тимура. – А ты хоть знаешь, откуда берутся деньги, как их зарабатывают? Хочешь добавить? Добавь из своих дивидендов!

Тимур молчал. Он смотрел на Лёху, взглядом собаки, которую ни за что ни про что ударил хозяин. Ударил в первый раз, но очень больно.

Снова включился Глеб. Теперь он встал на сторону обиженного товарища.

– Да прав он, о чём разговаривать. Надо выходить на переговоры с этой дамой. Дать ей ещё столько же чтобы она успокоилась. И в карманы ты нам не заглядывай, твой карман гораздо шире оттопырен. Как бы не лопнул! В конце концов, мы все здесь учредители, давайте голосовать.

Это был первый серьёзный спор между ними. Нет, они и раньше много спорили. В «Моцарте», когда оценивали размер груди сидящих неподалёку красоток, или в бане, когда обсуждали в какой стране темпераментнее бабы. Это был первый за двадцать лет деловой спор, спор не друзей а соучредителей. Победили в этом споре Глеб и Тимур. Выиграли две поднятых руки против одной опущенной. Алексей с достоинством принял своё поражение и весь его внешний вид выражал полную невозмутимость, мол ничего личного... Как бы там ни было, но пожимая друг другу руки в конце того совещания, все трое ясно понимали, что прежней дружбе настал конец.

Она чувствует, что увязла, погрузилась в эти отношения больше, чем это необходимо для выполнения задачи. Это самая большая сложность в её работе. Никогда нельзя предугадать насколько сильной будет реакция объекта. То, что она притягивает мужиков, как сильнейший магнит, ей давно известно, это её конёк. Но иногда ситуация зашкаливает, приобретает характер форс-мажора. Иногда случается так, что объект влюбляется. В её работе это является наивысшей опасностью. Влюблённый объект становится спрутом, который начинает обвивать её своими щупальцами, лишая всех степеней свободы, мешая действовать, рационально мыслить. Всё конечно зависит от силы спрута. Чаще всего, оторвать от себя назойливые щупальца не составляет труда. Сейчас не тот случай. Алексей обладает неимоверно сильными щупальцами, и его объятия будет разорвать довольно сложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.